

Т

№2

Февраль 2021

УССКИЙ КЛУБ

Стр. 30

АКТРИСА С ЧИСТОЙ ДУШОЙ

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№2 (184)
Февраль 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ГРУЗИНСКИЕ АДРЕСА УКРАИНСКОЙ КАССАНДРЫ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 12 ПУШКИНА НЕТ ДОМА
ЮРИЙ РОСТ
- 18 КУЛИНАРНЫЕ ТРАДИЦИИ АНТИЧНОГО МИРА
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 АКТРИСА С ЧИСТОЙ ДУШОЙ
ИННА БЕРИДZE
- 34 НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 40 НАРИКАЛА ЗАИНТЕРЕСОВАЛА ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 42 «МИХАИЛ ТУМАНИШВИЛИ БЫЛ МУДРЫМ ХУДОЖНИКОМ...»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 48 РОССИЙСКИЙ «МЮНХГАУЗЕН» С ГРУЗИНСКИМИ КОРНЯМИ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 52 ЦВЕТЫ ВЕЛИКОМУ ПОЭТУ
- 53 ОН ПОДАРИЛ НАМ СВОЙ ГОЛОС

На обложке – ЗАСНЕЖЕННЫЕ МЕЙДАН И НАРИКАЛА
Фото АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ВОССТАВИМ ЖЕ СВОБОДУ!

Сто шестьдесят лет назад в России произошло важнейшее историческое событие – 16 февраля 1861 года было отменено крепостное право. Современные люди имеют довольно смутное представление о нем. Но все в один голос считают, как, впрочем, и в середине XIX века, его махровым пережитком средневековья. Оно и понятно – людьми торговали, как скотом или неодушевленным товаром, проигрывали в карты. Цари за заслуги награждали дворянство землей с деревнями, населенными людьми. Но вот как раз земля – и есть самое главное в этом вопросе, а люди к земле просто прикладывались. А зачем земля без тех, кто будет на ней работать? В этом-то и был смысл крепостного права. Крестьянам просто запрещалось менять место жительства и надлежало работать на пожалованных землях. В некотором смысле эта практика напоминала советскую прописку – еще сам Петр Первый повелел всем жителям (незаконнорожденным, вольноотпущенникам, бродягам, детям солдат и пленным иностранцам) найти себе хозяина, иначе они считались беглыми и подлежали клеймению и отправке на каторгу. А высшее сословие, в чьей собственности они должны были находиться, отвечало за них

и пользовалось плодами их трудов. Своей же собственностью помещики стали считать крестьян только в XVIII веке. И вопреки легендам, крепостным не так уж плохо жилось – как ни удивительно, но явление голода в русской деревне стало возникать именно после отмены крепостного права. В отличие от рабов древнего мира или тех же невольников американского Юга, русские крепостные имели и семьи, и дома, и свой скот и даже небольшие наделы земли, на которых выращивали для себя еду. А подчас русские крепостные, договорившись с хозяевами, отправлялись на заработки в город и даже постепенно выплачивали хозяевам свою стоимость, становясь свободными. Из них появилось крепкое русское купечество. Но и до царя-освободителя Александра II в России думали над вопросом освобождения крестьян. Императрица Екатерина II очень этого хотела. В ее время создавались комиссии по нахождению наилучшего и безболезненного способа избавления России от этого явления. Также объявлялись конкурсы – его выиграл проект французского правоведа и журналиста Беарде де Лабяе. Короче, тему попросту «заболтали», и Екатерина Алексеевна не рискнула, чтобы не вызвать недовольства опоры своей власти – дворянского сословия. В царствование ее внука Александра это чуть было не осуществил, представьте себе, ненавистный всеми граф Аракчеев, не к ночи будь помянут. Он освободил холопов Лифляндии, Эстляндии и Курляндии в 1816-19 годах. Вот тебе и ретроград! А во времена сурового царя Николая I, отца царя-освободителя, доля крепостных в России уменьшилась больше чем на треть и повсеместно была принята практика самовыкупа. Его правительство издало около сотни указов, которые так или иначе облегчали положение крепостных крестьян. И не такая уж Россия была отсталой в этом вопросе. Кроме Англии и Испании, освободившей своих крестьян в XV-XVI веках, и Франции после революции 1789 года, по всей Европе крепостное право было повсеместно отменено в первой половине XIX века. А в Сербии оно продлилось аж до конца Первой мировой войны.

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК

В февральские дни наступившего 2021 года вся Грузия будет отмечать юбилей выдающегося человека, академика Николая Ивановича Мухелишвили – гениального математика, составившего славу Отечества, чьи труды хорошо известны в просвещенных кругах многих на-

учных центров мира. Он был первым президентом грузинской Академии наук, которой руководил 31 год. Его деятельность была высоко оценена тогдашними властями, он был лауреатом Государственных премий, орденоносцем и даже Героем социалистического труда. И все это невзирая на абсолютно непролетарское происхождение. Николай Иванович родился в Тбилиси 16 февраля 1891 года в дворянской семье офицера Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, а позднее генерал-майора Российской императорской армии И.Л. Мухелова. В 1909 году окончил вторую классическую тифлисскую гимназию и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который окончил в 1914 году. Стал магистром наук в 1918, работая по совместительству ассистентом Петроградского электротехнического института. А двумя годами позже Мухелишвили принял приглашение республиканского правительства Грузии вернуться на родину, чтобы заняться наукой и просветительной деятельностью. Он не раздумывая вернулся на родину и стал преподавать в Тбилисском университете и Политехническом институте. Советская власть почему-то не стала ему припоминать происхождение и факт приглашения меньшевистского правительства. Работать почти не мешали – понимали его ценность, как ученого. Мухелишвили занимался теорией упругости. В 1922 году он стал профессором, в 1933 году член-корреспондентом АН СССР, а в 1939 действительным членом Академии. По инициативе Николая Ивановича был открыт Математический институт имени А.М. Размадзе, он стал одним из основателей Академии наук Грузинской ССР, которую и возглавлял с 1941 по 1972 годы. И курировал создание Тбилисского Академгородка. Он посвятил много лет созданию сильнейшей математической школы и воспитанию учеников; своим учителем его считал выдающийся математик И. Векуа. Академик Мухелишвили прожил большую жизнь, много и успешно трудился, много достиг и пользовался заслуженным уважением, хотя и оставался на редкость скромным человеком. Его с почетом похоронили в Пантеоне на горе

Мтацминда, где находятся могилы выдающихся деятелей Грузии. Его именем назван Кутаисский политехнический институт.

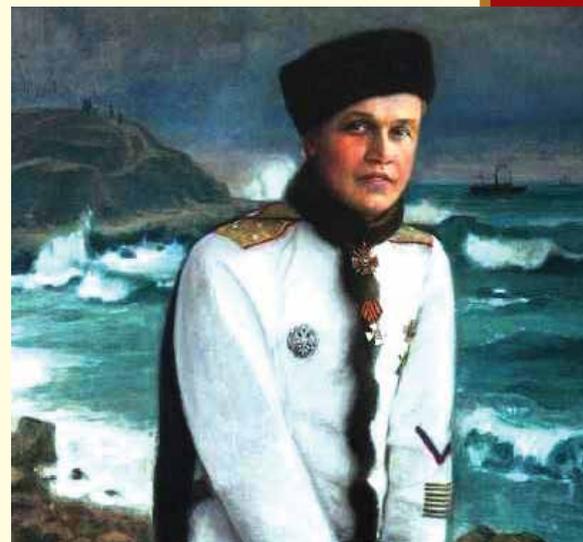
ГЕРОЙ КРЫМА «ТОВАРИЩ ЯКОВ»

Мы его знаем, как генерала Хлудова – персонажа знаменитой пьесы Михаила Булгакова «Бег» и одноименного блестящего советского фильма семидесятых годов. Всем запомнился жуткий взгляд стальных глаз актера Владислава Дворжецкого, блестяще исполнившего роль этого страшного и жестокого командира белых, талантливого до гениальности полководца, впридачу неврастеника и наркомана, который не гнушался как бессудными казнями большевиков и сочувствующим им, так и бесчисленными жертвами в боях своих солдат. Его прототипом был реальный человек – Яков Александрович Слащев-Крымский. Почетную приставку к фамилии этому тридцатипятилетнему генералу присвоили за героическую защиту Крыма и прилегающей Новороссии. Генерал Слащев сумел удержать Крым с совсем небольшим числом войск от превосходящих сил Красной армии и Повстанческой армии батьки Махно. До Первой мировой войны имя этого выходца из потомственных военных было никому не известно – так, довольно средний по знаниям выпускник военной академии, известный только своими работами по ведению диверсионно-партизанской войны в тылу противника. В Генштаб его не распределили по причине неважной успеваемости, а на русско-японскую Слащев не попал по возрасту. Яков Александрович Первую мировую встретил за ресторанным столиком. Пожал плечами, сказав: «Ну что ж, господа, драться так драться» и отправился на фронт командиром роты лейб-гвардии Финляндского полка. В конце 1916-го уже был подполковником, а год спустя стал полковником. Слащев сразу прославился своей

храбростью – сам поднимал людей в атаку и был четырежды ранен, за что его любили солдаты, давшие ему кличку «генерал Яша». Хотя звание генерал-майора ему присвоили только Деникин в конце 1918 года. А пока Слащев был удостоен наградного оружия и пяти орденов, включая Георгия IV степени. Февральскую революцию он не признал и ушел в отставку. После же большевистского переворота, Слащев сам пришел в штаб Добровольческой армии в Новочеркасске, с очень бледным лицом, на котором нервно дергались мускулы – последствия тяжелой контузии. Он щелкнул каблуками, положил на стол документы и отрапортовал: «Готов приступить к командованию подразделением». Так его закружила кровавая круговерть Гражданской войны. Слащев был не честолюбивым и спокойно стал начштаба корпуса генерала Андрея Шкуро, где применил свои наработки партизанских рейдов вглубь тылов противника. Позднее возглавил пятитысячную дивизию, основным козырем генерала стали ночные рейды. От генерала Слащева страдали и красные, и зеленые, и махновцы, и петлюровцы. Он брал Одессу, Николаев, совершал рейды по Правобережной Украине. Генерал вел замкнутую жизнь, проводя все свободное от боев время в прокуренном штабе за спиртом и кокаином – к наркотикам он пристрастился еще в офицерских госпиталях, где принимал эти препараты, чтобы заглушить боль от ран.

Слащев был жесток и добивался порядка самыми суровыми мерами, в его тылу случались виселицы не только с казненными большевиками-подпольщиками, но также с мародерами, грабителями и спекулянтами. Но в боях пулям не кланялся, стоял под огнем прямо, покуривая папироску. Его знали по обе стороны фронта. Большевики его ненавидели, но относились с уважением. Летом 1920 года беременная гражданская жена генерала Нина Николаевна, проходившая по документам как «юнкер Нечволодов», попала в руки чекистов. Те отправили пленницу в Москву, где ее допрашивал сам Дзержинский. Но «железный Феликс» поступил благородно – он отправил Нину к мужу. От того, должно быть, у генерала Слащева появилось доверие к весельному руководителю ЧК и не было ненависти. Осенью 1919 года он возглавил оборону Крыма и, по словам Троцкого, продлил войну на четырнадцать месяцев. Слащев понимал, что положение безнадежное, но честно выполнял свой долг. Когда же в ноябре красные вместе с махновцами прорвались в Крым, он со знаменем лейб-гвардии Финляндского полка взошел на борт ледокола «Муромец» и отплыл в Константино-

поль. Но к мирной жизни Слащев оказался не готов. Он обвинил своего давнего недруга – барона Врангеля в трусости, за что тот устроил на нем суд чести, лишивший Слащева наград, званий. Генерал не сник, а вместе с немногими оставшимися соратниками занялся... огородничеством и выращиванием индеек на продажу. А вскорости принял совершенно сенсационное решение – вернуться по амнистии в Советскую Россию. В Одессе его пароход встречал сам всесильный Дзержинский и доставил Слащева с семьей и соратниками в Москву. Но не в тюрьму, а прямо на военную кафедру высших командирских курсов «Выстрел», где генерал Слащев под именем «товарища Якова» стал преподавать военное искусство бывшим противникам. Те отнеслись к нему с немалым интересом – ведь операции генерала Слащева изучались во всех военных академиях Европы. На его лекции было не попасть. «Товарищ Яков» со слушателями не миндальничал. Его замечания были точны и порой

язвительны. Однажды, разбирая военную операцию из недавней советско-польской войны, он настолько обидно отозвался об ошибках красного командования, что знаменитый командарм Буденный выхватил наган и начал стрелять по лектору, пока у него не отняли оружие. Абсолютно не испугавшийся Слащев безжалостно процедил: «Как вы стреляете, так и воевали». Но конец этого прославленного генерала был печальным – его застрелил в собственной квартире один из курсантов, брата которого по приказу Слащева казнили в Николаеве. Что это было, месть или спецоперация по устранению неугодного строптивного сорокачетырехлетнего военспеца – установить не удалось. Его учениками были будущие маршалы Советского Союза Василевский, Малиновский и Толбухин.

Леся Украинка

ГРУЗИНСКИЕ АДРЕСА УКРАИНСКОЙ КАССАНДРЫ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЛЕСИ УКРАИНКИ

■ **Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

«Нет! Я жива! Я буду вечно жить!» – самый известный афоризм Леси Украинки оказался пророческим. В нынешнем году исполняется 150 лет со дня рождения выдающейся писательницы, поэта, драматурга, переводчицы. Ее имя присвоено театрам, улицам, библиотекам, по ее произведениям снимают фильмы и ставят спектакли. Хрупкая женщина с упрямым взглядом из-под прямых бровей стала символом безграничной любви к родине, неукротимой воли и стойкости. Ей посвящены дни памяти «Лесині джерела» («Лесин Родник») в Новоград-Волынском, где она родилась в 1871 году, и «Лесиаоба» в Сурами, где в 1913 году на 42-ом году закончилась ее земная жизнь.

Леся Украинка была прекрасно образованна, знала около десяти языков, побыва-

ла во многих странах, включая Италию, Швейцарию, Германию, Египет, Грецию. Так что ей было из чего выбирать и с чем сравнивать, но она предпочла связать свою судьбу с полюбившейся ей Грузией, здесь она черпала силы, находила понимание и дружескую поддержку. Грузинские адреса Леси Украинки остались в Тбилиси, Телави, Кутаиси, Хони, Сурами.

Впервые Леся приехала в Грузию осенью 1903 года по приглашению своего киевского друга и горячего поклонника Климента Квитки, с которым познакомилась в литературно-артистическом кружке Киевского университета. Получив в Тифлисе место помощника секретаря окружного суда, Квитка перебрался в теплый край, так как был болен туберкулезом. Мать Леси была против союза дочери с небогатым «парвеню», одна-

ко Леся приняла приглашение. Лесе нельзя было оставаться в Киеве на зиму из-за ее давней болезни – туберкулеза костей. Заморские курорты ее не манили, а в Грузии она надеялась залечить душевные раны – совсем недавно скончался от чахотки ее возлюбленный Сергей Мержинский, прогрессивный журналист и поэт. Чтобы создать для Леси достойные условия, Клима кинулся продавать какие-то ценные вещи, тем не менее средств не хватало. Жили они достаточно скромно, снимая квартиру на одной из улочек под горой Мтацминда. Перезимовав в Тбилиси, Леся вернулась в Киев, но уже октябре 1904 года вновь оказалась в Грузии. Вышла замуж за «милого Клему» она в августе 1907 года, убедившись, что именно этот человек является надежным спутником. Климент Васильевич гордился успехами Леси, восхищался ее талантом и сам был личностью незаурядной. Он вошел в историю украинской культуры как один из основателей музыкальной этнографии.

Исследователям удалось установить, что в Тбилиси чета поселилась на улице В. Мосидзе, около сквера, в котором

ныне установлен памятник государственному деятелю и просветителю, писателю Сулхану Сабе Орбелиани. В этом доме Украинка написала драматические поэмы «Одержимая», «Вавилонский плен», «На руинах», «Осенняя сказка», «В катакомбах». Леся в письмах к родным отмечала, что в своей «хате» она чувствует себя как дома.

Такое отношение к своему скромному жилищу дорогого стоит, ведь детство в отчем доме было у писательницы «золотым». Родилась Лариса Петровна Косач, прославившаяся под псевдонимом Леси Украинки, в состоятельной дворянской семье. Ценитель искусств Петр Антонович Косач (1841-1909) дослужился до действительного статского советника, являлся предводителем дворянства Ковельского уезда. Мать, Ольга Петровна, сестра известного публициста Михаила Драгоманова, издавала альманах «Первый венок», увлекалась этнографией, писала статьи под псевдонимом Олена Пчилка (Елена Пчелка). В их доме постоянно собирались писатели, художники и музыканты, устраивались вечера и домашние концерты. Леся и ее брат Миша учились у домашних учителей и были неразлучны как сиамские близнецы – их даже в шутку на-

Крыши Львова

зывали общим именем – Мишелосие. Вслед за неразлучной парочкой в семье появились младшие дети – Ольга, Микола, Исидора. Зимой Косачи жили в Луцке, а летом в своем поместье Колодяжное, занимавшем почти 500 гектаров живописных угодий. Под влиянием матери Леся увлекалась древними поверьями, песнями о сказочных обитателях бескрайних лесов, тут она впервые услышала о прекрасной мавке, местной ру-

салке, пожертвовавшей собой ради любимого юноши. Читать Леся научилась в четыре года. И к десяти годам перечитала множество томов из семейной библиотеки на языке оригиналов – русском, французском, немецком.

Первым эмоциональным потрясением стал для Леси арест любимой тети Елены Антоновны Косач, которую за участие в покушении на шефа жандармов Александра Дрентельна

Леон Выгулковский. Пахота на Украине

Вид Телави

сослали на пять лет в Сибирь. Узнав об этом, девятилетняя девочка написала свое первое стихотворение «Надежда». Затем размышления об аресте Елены Косач легли в основу стихотворений «Вече», «Матневольница», «Забытые слова», «Эпилог». Идеалом для девочки становится пронзенный копьем герой, который умирая произносит: «Убей, не сдамся!».

Несмотря на литературные успехи, сама Леся считала, что она станет знаменитой пианисткой, а не писателем. Однако случилась большая беда – девочка тяжело перенесла простуду, осложнением которой стал туберкулез костей. Лесю лечили согревающими мазями, лечебными ваннами, но эти средства помогали мало. Болезнь считалась в те годы неизлечимой, чтобы спасти девочку руку, решились на операцию, после которой о карьере музыканта пришлось забыть. Тяжелые испытания закаляли характер Леси, научили ценить каждый день. Интересы и знания девушки выходили далеко за рамки образования обычной гимназистки. Она обладала аналитическим складом ума, рано стала интересоваться политикой.

Когда Леся подросла, ей выделили отдельный белый домик вблизи большой усадьбы, в котором она могла спокойно работать. С тринадцати лет она начала печататься. В 1884 г. в журнале «Зоря» были опубликованы два стихотворения – «Конвалия» и «Сафо», под которыми впервые появился псевдоним Леся Украинка. В 19 лет написала для своей сестры учебник «Древней истории восточных

Кутаиси

народов».

В начале 1893 г. во Львове выходит первый сборник стихов Леси Украинки – «На крилах пісень» («На крыльях песен»). Она прекрасно разбиралась в мировой литературе, истории, философии. Много занималась переводами. Начав с переводов на украинский язык Гоголя, Гомера, Гюго, Гейне, Мицкевича, она приходит к мысли, что больше пользы ее народу принесут прокламации и переключилась на «Манифест коммунистической партии» Маркса.

С конца 80-х годов Леся Украинка с матерью и сестрами живет в Киеве. Посещает студенческие кружки, много печатается. Комнату в киевской квартире Косачей снимает студент родом из Гори Нестор Гамбарашвили. Благодаря ему у Леси появляется интерес к неведомой южной горной стране, знакомой только по стихам Лермонтова. Нестор приносит Лесе поэму Шота Руставели, которая приводит молодую поэтессу в восторг. Она предлагает преподавать Нестору французский язык, чтобы он обучил ее грузинской грамоте. К взаимной радости «сделка» состоялась. Несомненно, молодые люди были увлечены друг другом, но романтические отношения между ними не сложились. Тем не менее юношеская привязанность оставила глубокий след:

Сурами. Сурамская крепость

подаренный Нестором маленький кинжал. Леся хранила до конца жизни. В Грузии Леся убедилась, что такие черты Нестора как благородство, душевная отзывчивость характерны для многих представителей народа, ставшего для нее родным по духу.

В Тбилиси Леся и Климент приобрели достаточно много приятелей в среде творческой интеллигенции, но особенно сблизилась с педагогом Шио Читадзе, разработавшим собственную систему обучения. Вместе они пережили революционные события 1905 года, обсуждая столкновения между рабочими и полицией, выступления студенчества и гимназистов. Затем Леся уехала на родину, а через год Читадзе трагически погиб в результате теракта в июле 1906 года. Из окон гимназии неизвестные экстремисты бросили бомбы в полицмейстера (Мартынова). Здание гимназии было занято солдатами, во время штурма инспектор гимназии Читадзе был зарублен казаками в помещении своей служебной квартиры. Жена Шио Читадзе, узнав о случившемся, приняла яд.

После тяжелых событий 1905 года и наступившей реакции, Леся окончательно утвердилась в своей бунтарской пози-

ции. В ее произведениях однозначно звучит призыв к борьбе против царизма, за независимость Украины. Заметим, неизвестно как бы трансформировались ее взгляды на революцию после 1917 года – преждевременная кончина накануне эпохальных катаклизмов избавила ее от кошмаров Гражданской войны, голода, разрухи, террора, вынужденной эмиграции. В 1907 году Леся пишет драматическую поэму «Кассандра». Автор достаточно явно дает понять, что под поверженной Троей она подразумевает Украину, а в трагическом образе провидицы прослеживаются аллюзии автобиографического характера. В украинской литературе тему Трои использовали и Котляревский, и Шевченко, и Франко, проводившие параллели между судьбами Трои и Украины. Однако только у Леси Украинки гордая и непокорная «Фебова дева» становится центральным образом. Как и ее героиня, Леся испытывает душевные муки от того, что она не обладает силой, которая помогла бы прислушаться к ее призывам. Вот что говорит о себе Леся в одном из писем: «Я не могу давать советы, а лишь понимать и сочувствовать, нет, даже предчувствовать, – только мои предчувствия мне никогда

ни в чем не помогают...».

После очередного назначения Климента, в 1909 году чета переехала в Кахети. Из Телави Леся пишет в письме подруге: «Величественный белоголовый хребет Кавкасион виден верст на сорок, в ясные дни и лунные ночи он просматривается настолько четко, что становится жутко».

В Телави хранят память о пребывании в городе Леси. В парке Надиквари ей установлен памятник. На стенах двух домов висят мемориальные доски. В одном из таких домов, где супруги занимали напоминающую клетушку комнатку, долгое время находилась городская больница, теперь здесь ученики музыкальной школы разучивают гаммы. Возможно, что когда-нибудь здесь откроется мемориальный музей Украинки, однако пока это только в планах украинской диаспоры и посольства Украины в Грузии.

Исследователи, пытавшиеся воссоздать подробности о жизни Леси Украинки и Квитки в Грузии, располагали весьма скудными сведениями и черпали информацию в основном из писем писательницы. С помощью телавских старожилов выяснилось, что супруги также снимали квартиру за символическую плату в доме учителя и

литератора Михаила Амонашвили. На фасаде одноэтажного дома на улице Ахвледзиани (ранее – Карла Маркса), 35 также установлена мемориальная доска.

В распоряжении жильцов были три комнаты и большая гостиная с фортепиано, которая очень скоро превратилась в литературно-музыкальный салон и стала центром общественной жизни местной интеллигенции. Сохранились записи, что частыми гостями необычных квартир были брат хозяина Ваню Амонашвили, семья Ираклия Яралашвили, Георгий Козманашвили, основатель первого музыкального училища в Телави Закария Чхиквадзе, Мартин Яралов, Ваню Пааташвили, которому Леся подарила вышитые своими руками сорочку и носовые платки. Благодаря дружбе с меценатом Чиджавадзе, который в своем селе Кисисхеви постоянно устраивал концерты грузинской народной музыки, Климент Квитка серьезно увлекся изучением грузинского фольклора. В доме сохранилось фортепиано, на котором играл Квитка, возможно, что клавиш инструмента касались и пальцы Леси. Пианино досталось новым владельцам дома семьи Манчараули от потомков Михаила Амонашвили, которые продали дом в начале 60-х годов прошлого века. В этом доме Леся создала несколько поэмов. В письмах домой она писала: «Мы занимаем четыре комнаты, из них одна совсем без печки служит кладовкой, другая страшно холодная (в ней пять окон и все на север)... мы обжили только две, в них довольно тепло, если держаться подальше от окон. Правда, местный климат позволяет терпеть подобную архитектуру. Большинство дней здесь светит солнце, которое сквозь окна нагревает дом (только к вечеру становится довольно прохладно), ветер бывает редко и то – западный, нехолодный». Погода в Телави разочаровала гостей – зима выдалась снежной, весна слякотной. Леся жаловалась, что снег им уже «обрид», что такая погода плохо действует на их самочувствие. В ноябре того же года, не желая больше рисковать

здоровьем, Леся и Климент отправились, как перелетные птицы, вдогонку за летом в Египет. За тридцать земель от родины Украинка создает драму «Боярыня», основанную на историческом материале – о борьбе гетмана Дорошенко с Москвой за освобождение украинского народа. Драматическая поэма «Боярыня» имела нелегкий путь к читателю, была опубликована уже после смерти Леси – в 1914 году. В советские времена произведение оказалось под запретом и было издано только в 1989 году.

В Грузии Квитка получил назначение в Кутаиси. В 1910 году в Кутаиси Леся и Климент поселились сначала на Тифлисской улице, в доме Хабурзаниа. Потом переехали на Козаковскую. Здесь вечные скитальцы счастливо прожили лето, занимаясь каждым своим делом. Климент разбирал судебные иски. Леся погрузилась в воспоминания детства. Окрестности Кутаиси, утопающие в таинственных лесных чащах, напомнили ей сказки и легенды о мистических обитателях Полесья. Всего за несколько дней сказочные образы воплотились в поэтическую «Лесную песню», которая стала ее лебединой песней. Фантастическая «Лесная песня» с успехом выдержала за свою вековую историю десятки

На празднике Лесяоба

театральных постановок, была трижды экранизирована, легла в основу мультипликации и различных клипов.

Приведем восторженные строки письма Леси к матери о Кутаиси, они не требуют перевода: «Тепер я буду в самій Колхиді жити, бо саме Кутаісі і те саме місце, де аргонавти золоте руно здобували на річці Ріоні, що в давнину носила назву «золота», бо в ті часи був там золотий пісок...». Однако через год опять пришлось сниматься с только-только обжитого места и перебраться в имеретинскую глубинку, в Хони. Не иначе, что кто-то бдительно следил за тем, чтобы супруги долго не засиживались на одном месте и не создавали вокруг себя кружка радикально настроенных интеллигентов. Леся не жалуется, описывая свое новое жилье «трохи тужобку», она подчеркивает, что домик окружен «богатым садом, есть просторный зеленый двор, на горизонте живописные горы». Нетронутая природа Хони неожиданно напомнила Лесе родные волыньские просторы около Ровно. Она пишет матери о своем новом месте – «або як Колодяжне. Одне слово – кавказьке велике Колодяжне». В письме Леся также сообщает, что чувствует себя вполне хорошо, только ноги болят, ни

Памятник Леси Украинки в Телави

словом не говорит о развивающейся болезни почек, которая прибавила ей новые мучения. Жалеет Кленю, которому «не по душе юриспруденция, а работы слишком много, особенно в сезон созревания молодого вина, повинного во многих преступлениях местных людей». Хонский период заканчивается в январе 1912 г. Супруги вернулись в Кутаиси и обосновались в переулке Джаиани. Последней кутаисской квартирой стал дом семьи Чхеидзе. Здесь Леся создала одно из самых своих выдающихся произведений «Каменный властелин». Дон Жуан у писательницы отличается от героев, созданных Гофманом, Мольером, Байроном или Пушкиным. Он держится гордо, стремится к свободе и следует искреннему зову своего сердца. Такой герой мог появиться только на сломе эпох, неслучайно это произведение под названием «Искушение Дон Жуана» было экранизировано опять-таки в переломный момент истории, в 1985 году. В Кутаиси Леся начала свое последнее большое произведение – драматическую поэму «Оргия».

29 июня состояние Леси стало с каждым днем ухудшаться. Врачи посоветовали перевезти ее в Сурами, который славится исключительно сухим и целебным воздухом. Климент послал телеграмму матери; встревоженная состоянием дочери Ольга Петровна приехала в Кутаиси уже 4 июля. Леся оставалась верна себе и через несколько дней продиктовала ей проект новой драмы «На берегах Александрии».

Одна за другой приехали младшие сестры. Все понимали серьезность положения Леси, но надеялись, что сурамский воздух сотворит чудо. Недолгий путь от Кутаиси до Сурами преодолели поездом. Со всеми удобствами Лесю устроили на даче, принадлежавшей железнодорожнику Папава, в районе Зиндиси. Из окон комнаты видна была Сурамская крепость. Лесю окружили заботой и уходом, при ней круглосуточно находились ее сестры Ольга и Исидора, местная жительница София Цуцкиридзе, постоянно заходил врач Д. Пашиков.

Теперь улица, где сняли дачу для Леси, носит ее имя. К со-

жалению, сам дом пришел в упадок, хозяева давно покинули жилище, окна забиты досками. Памятная доска на стене сохранилась, она напоминает о печальных событиях более вековой давности. В последние дни июля Леся при помощи родных еще могла выходить на балкон, просила почитать ей вслух, еда оставалась у ее изголовья нетронутой, сестры подносили к ее устам стакан с боржоми. В первый день августа она угасла. Проводить писательницу под колокольный звон вышел весь город. Сурами с почестями проводил писательницу в последний путь на родину. Похоронена Леся Украинка в Киеве, на старом Байковом кладбище.

По современным опросам, Леся Украинка вместе с Тарасом Шевченко и Богданом Хмельницким входит в тройку самых знаменитых украинцев. Климент Квитка пережил любимую на сорок лет. В 1917 году он издал фотоскопическим способом двухтомник «Народные мелодии с голоса Леси Украинки». Благодаря ему голос Леси сохранен для потомков.

Интерьер музея А.С. Пушкина на набережной Мойки, 12

ПУШКИНА НЕТ ДОМА

■ Юрий РОСТ

Случалось, утром я просыпался от солнечных зайчиков, плясавших на потолке, от скрипа уключин, всплесков падающих в вялую воду весел, я слышал команды рулевого, шелест пологих волн, раздвигаемых шлюпкой, одинокие шаги раннего прохожего, грохот порожних лотков, складываемых у булочной в еще теплые от раннего хлеба фургоны, и гаммы глухо за стеной...

Я жил на Мойке, в бывшем доме Дельвига напротив Пушкиных наискосок, и иногда по утрам, глядя на окна их квартиры, ждал с любопытством – вдруг растворятся? У себя в доме они могли бы видеть те же блики и слышать те же звуки, доживи они на Мойке хоть раз до лета.

Впрочем, это были лишь догадки, потому что в квартире на Мойке, 12, я тогда не бывал. Не раз днем приближался к дому, стоял перед аркой. И

белой ночью, проплыв по Фонтанке и Мойке, привязывали мы с друзьями взятую напрокат у Аничкова моста лодку к кольцу набережной и шли во двор (в те времена всегда открытый), садились на белую скамью и, глядя в три бесцветные окна кабинета, скромно выпивали за Пушкина. Каждый за своего.

Переступить порог, однако, я не считал себя вправе. Что-то мешало мне войти в чужой дом без приглашения. Просто так. Какая-то вороватость предполагается в посещении (особенно первом, когда ты себя не можешь уговорить представить себя знакомцем – я у вас бывал) места, не предназначенного для стороннего (безразличного либо заинтересованного – не важно) взгляда.

Ну разумеется, это музей. И в нем экспозиция. Но это и квартира, и в ней реальные вещи, которые принадлежат Александру Сергеевичу и семье.

Чувство неловкости преодоления порога знакомо не одному мне. И если случилось счастье быть представленным Месту кем-нибудь из достойных друзей Пушкина (деликатным и знающим), то происходило Знакомство, а затем и привыкание, которое болезненным образом отзывалось на любое научное приближение экспозиции к исторической правде. Зачем мне второй раз преодолевать порог? Обновляясь, квартира теряла друзей дома. Переставала быть «настоящей».

Быть может, для тех, кто войдет в нее впервые, она обретет это свойство. Дай Бог. Мне же не нужна информация о нем.

Все, что Александр Сергеевич считал нужным сообщить о себе, он сообщил в стихах и прозе. Зачем же мы читали написанное не нам, вплоть до долговой книги, и смотрели на то, что составляло его частную жизнь?

Ах да, чтобы глубже постичь. Но вороватость все же присутствует. Не так ли: любопытно, что внутри.

И вот однажды без предварительных замыслов и планов,

А. Наумов. Дуэль Пушкина с Дантесом

неожиданно для себя свернул я в подворотню и в дверь налево и по крутым ступенькам пошел вниз, пригибая голову, и дальше под сводчатым потолком, мимо вежливого гардеробщика и приветливой кассирши к двери с надписью «хранитель», и, постояв секунду, ступил за порог.

За канцелярским письменным столом, обвязанная платком вокруг пояса, сидела обаятельная и приветливая женщина – Нина Ивановна Попова, тогда хранитель музея и, как быстро и счастливо оказалось, тот самый достойный друг Пушкина, с которым уместно появиться в доме.

Это я знаю сейчас (уже много лет). А тогда я вошел, сел на стул и стал рассказывать, а не оправдываться вовсе, почему я долго не решался ступить за священный порог.

Мы говорили долго, а потом Попова сказала:

– Что мы здесь сидим? Пойдемте наверх.

И мы пошли.

У меня не было возможности раньше общаться с современниками Пушкина. Что там, со своими современниками не всегда найдешь возможность поговорить. А тут... В разговоре мы шли, шли: по буфетной, по столовой, по гостиной, по булыжной Сенатской площади, по

невскому льду, мы скользили по паркетным полам дворцов и летели на перекладных от станции к станции, мы пили жженку, путались в долгах, мы бродили по Летнему саду («...Летний сад – мой огород»), стояли, опершись о гранит, у Кокушкина моста, бродили по Коломне, по Фонтанке, по Екатерининскому каналу, мы шли к Мойке и в октябре 1836 года были там (здесь) и уже миновали спальню, неудобную, перегороденную когда-то ширмой, и детскую... Мы спешили, но опоздали. Как все. И остановились на пороге кабинета 10 февраля 1837 года. Часы на камине показывали 14 часов 45 минут... Беда.

Потом, возвращаясь в мыслях к этому первому посещению, я думал, как ей повезло с выбором.

– Нет, я не выбирала, все произошло само собой.

После университета, работая экскурсоводом в городском бюро путешествий, привезла она однажды группу на Мойку, 12, и только начала рассказ, как стало ясно – это любовь. Все было столь очевидно, что Попову немедленно пригласили в музей. Она согласилась не только потому, что музейная работа давала возможность оживлять ситуации, лишь обозначенные историей, но потому, что она да-

вала возможность видеться...

– Он в творчестве своем ушел далеко за грань, – говорила Нина Ивановна тогда, в первое наше знакомство, – а в человеческом смысле он остался на земле, со своими невзгодами, несчастьями. Опыт каждого человека присутствует в нем. Он не зачеркнул ни восторженности юности, ни права на ошибку. Наверное, поэтому он доступен каждому...

Потом она говорила, что квартира на Мойке дорога ей и тем, что люди ищут здесь объяснение его жизни и смерти.

– И вы ищете?

– Александр Тургенев, – отвечала Попова, – вошел в дом, когда дьячок читал псалтырь. Он вошел на словах «правду свою не смог скрыть в сердце своем». Может быть, это и есть объяснение. Он жил по своей правде и умер, защищая то, что считал своей правдой... Но можно еще искать.

Мы стояли над витриной, где лежал медальон с пушкинским локоном.

– Он был во всем неоднозначен, даже в масти. Одни видели его блондином, другие – рыжеватым, третьи – брюнетом.

– А на самом деле?

– Когда локон лежит на ладони, виден переход от ярко-рыжего к черному. – Она за-

Нина Ивановна Попова

думалась, вспоминая. – Я не чувствовала священного трепета, только удивление – волосы живые... И видишь – был!

Нина Ивановна подошла к письменному столу Александра Сергеевича и в чернильном приборе с арапчонком, подаренном Павлом Воиновичем Нащокиным, зажгла две тонкие, почти невидимые уже из подсвечников восковые свечи. Они скоро догорели и погасли сами по себе.

Надо купить свечи, подумал я, пока Пушкина нет дома.

...Спустя год, летом, был еще один визит на Неву. Выйдя утром из поезда на Невский проспект, мы с другом пошли в сторону Адмиралтейства и, не дойдя Зеленого моста, повернули на Мойку. Нина Ивановна Попова, на счастье, была в музее. Проведя два часа в Квартале Пушкина, мы больше никуда уже не ходили, потому что хотели не разрушить случайным общением или пейзажем мир пушкинского Петербурга, а, наоборот, сохранить ясное ощущение необходимости жить светло, чисто и доверительно.

...Теперь я, вспоминая тот разговор, представляю себе день, который хотел бы прожить в Петербурге с Ниной Ивановной Поповой.

Вероятно, это был бы зимний день или день на рассвете вес-

ны...Промозглый и ветреный... Мы бы встретились с Поповой у Зимнего (если бы она была свободна где-то около пяти) и долго и тщательно пытались бы поймать такси, отличающееся в Питере какой-то особенной увертливостью от пассажиров.

Но вот мы едем... Конечно, можно сказать: на Черную речку, к месту дуэли, но страшно – вдруг он не очень знает, и мы говорим, охраняя поэта: «Командантский аэродром». Не знаю, почему секунданта Данзас с д'Аршиаком тогда выбрали такое неприветливое место, или это мы украсили его своим чувством? Там никогда и раньше не было уютно, а теперь, когда к мокрым, промерзлым деревьям с одной стороны подступили промышленно построенные монотонные ряды жилых домов, с другой – молчаливый забор, а с третьей – рычащая дорога с разъезженным грязным снегом, ощущение запустения почему-то поселяется в вас.

Гранитный и весьма официальный обелиск, воздвигнутый на месте трагедии в год ее столетия, больше напоминает о времени, когда сей памятник был поставлен, чем о том дне, из-за которого он стоит. Сердце просит впечатлений для сострадания, оно ищет спасительной зацепки для самообмана: вдруг не здесь, вдруг успели друзья,

вдруг не он – и бесконечные «если бы» роятся в голове. И уж если нет, невозможно, то хочется увидеть эту землю, как он видел ее в последний раз... Мне не нужна географическая точка – «здесь» (вовсе, кстати, не точная), мне ничего не говорят заурядные парковые дорожки, скамейки, каменный столб, дома, заборы, склады (что ли) вокруг. Мне больно смотреть на дуэль со стороны, с трибун... Как хотелось бы стать вместо него, я закончил институт физкультуры, у меня крепкая рука, да и тренировался я много раз, прицеливаясь из «лазарина», который, по словам моего друга Танасийчука, знатока оружия тех времен, не хуже «лепажа».

...Но сегодня это место такое, как есть, и поэтому мы с Ниной Ивановной идем прочь от дороги вглубь, и она говорит:

– Никто не знает в точности, где была дуэль. Он упал у берез, по-видимому, потому что Данзас отломил кусок коры у того места. Был большой снег, и едва ли они ушли далеко от дороги. Утрамбовали площадку. Десятого февраля в половине пятого солнце было бы так низко, как теперь в половине шестого. И хотя было пасмурно, они расположились, видимо, чтобы свет падал сбоку. Один северней другого на двадцать шагов. Когда раздался выстрел, между ними было пятнадцать.

Мы с Ниной Ивановной нашли бы березы (там их немного, и, верно, они другие) и разошлись на двадцать шагов...

Двадцать шагов – это очень мало и очень грустно. Мы постояли бы несколько минут и стали сходитьсь.

– Место святое, – сказала бы Нина Ивановна, – а сюда даже экскурсии не водят. Оно не населено отчего-то духом пушкинской трагедии... Может быть, сюда надо привести ландшафтных архитекторов, скульпторов... Это очень ведь дорогой русскому человеку кусочек земли, он должен тревожить мысль и сердце...

Попова медленно пошла бы к дороге, а я остался ненадолго, чтобы попробовать увидеть эту землю так, как видел ее смертельно раненный Пушкин. Чтобы снять землю у Черной речки

с высоты умирающего человека. Так, наверное... Хотя теперь лето, листья, цветы, травы, и такой фотографии не сделать...

Поскольку мы фантазируем, предположим, что такси нас дождалось и шофер, молодой парень, спросил:

- Куда теперь?
- Теперь на Мойку.
- Ну да, конечно...

Там еще бродили бы посетители. Музей работает до семи вечера, да и после семи во двор дома Волконских, где Пушкины снимали первый этаж, приходят люди постоять под окнами кабинета... Три окна: четвертое, пятое и шестое от арки входа – окна Александра Сергеевича.

А мы с Ниной Ивановной в придуманный мной день сняли бы пальто у нее в кабинете и вслед за последней группой поднялись в квартиру... Там тихо... Мы прошли бы по комнатам, и она что-то вспомнила бы, о чем раньше не говорила, подошла бы к окну и, пока смотрительницы закрывали ставни, сказала:

- Сейчас такой же вид, как

тогда. Снег, лед, решетка набережной... Знаете, ведь у Пушкиных было одиннадцать комнат, но я не уверена, что надо их все восстановить. Человек должен пройти по квартире, не перегружая себя ненужной информацией. Он должен войти в пушкинский кабинет, впитав атмосферу дома, а не подробности его быта, которые к тому же и восстановить невозможно. Мне бы хотелось, чтобы в доме поселились звуки. Может быть, музыка? Александрина брала уроки и, вероятно, часто упражнялась.

Она подошла к прямострунному пианино, открыла крышку. Засветила свечи, потому что ставни уже закрыли, а свет не зажгли, и заиграла вальс Грибедова...

– Оставьте меня здесь на ночь, – попросил бы я. – Мне хочется послушать, как звучит этот дом ночью, когда никого нет, как он живет... Я буду охранять его. Пусть одну ночь.

– Это невозможно, – сказала бы Нина Ивановна, даже в выдуманном мной вечере, и улыбнулась бы своей замечательной улыбкой, а в гостиной все еще

звучал бы след аккорда...

Но чего только не достигаем мы в фантазиях своих!.. Как мы красноречивы и обаятельны, как уверенно решаем мы проблемы свои и чужие... Давайте, читатель, забудем, что строгая милиция опутала ночную квартиру хитроумной сигнализацией, что все двери закрыты на замки, а ключи на пульте у милого и бдительного милиционера Тани. Забудем это.

Пусть Нина Ивановна уже дома, ключи от музея на месте, сигнализация начеку, а я – в квартире... «Как будто», как говорят дети. И как будто уже восемь вечера... или без пяти девять. Темно, потому что электричество выключено, да и не было его – электричества – тогда. Сквозь ставни пробивается свет уличных фонарей, но, потратив на свои усилия слишком много энергии, он едва достигает круглого стола в гостиной, за которым я сижу не двигаясь.

В темноте тишина оглушает, и стук собственного сердца с тревогой воспринимаешь как чью-то нервную поступь. Потом к ним примешиваются торопливые шаги каминных часов ря-

А. Кравчук. Пушкин на набережной Мойки

Санкт-Петербург. Набережная Мойки, 12

дом со мной, размеренный ход больших деревянных на полу в столовой, за которыми едва поспевают бронзовые... Я сижу под портретом Пушкина (копия с Кипренского) и слушаю. Шаги заполняют дом. Кто-то идет и идет, не удаляясь и не приближаясь. Это время. Оно живет в этой квартире (впрочем, как и в любой другой). Я встаю из-за стола, сквозь анфиладу пытаюсь попасть с ним в ногу, но в темноте страшновато. К тому же я опасаясь неловкостью своей нарушить порядок, заведенный в доме. У меня нет права участвовать, я всего лишь гость, свидетель, понятой этой ночи. Мне надо убедиться самому, что этот дом живой, и вот я шагаю, не удаляясь и не приближаясь и даже не вставая из кресла.

О чем я думал, что грезились? Появился ли хозяин? Нет. Его и ночью не было. И не было видений, и мысли все более простые, шепотом внутри: был точно. Здесь. Вот: очень близко был.

Сколько времени я сижу? Ветер воеет в камине за тканым экраном. Узкая полоска света падает на портрет Натальи Николаевны. У нее асимметричное лицо, левая сторона его уже и добрее. Александр Сергеевич на акварельном портрете смотрит в сторону детской, где висит его последний прижизненный портрет, а под ним, в стеклянном ящике – простре-

ленный его жилет. Андрей Битов написал:

Сюртук мальчика
С модной вытачкой,
Тоньше пальчика
В фалде дырочка.
В эту дырочку
Мы глядим на свет –
Нам на выручку
Кто идет иль нет?
Жил один Сверчок...
Господи, прости!
Наступил молчок
На всея Руси.

Помню, как во время дневного посещения квартиры Попова, рассказывая о белых нитках, которыми сшит был левый бок жилета, разрезанного, видимо, чтобы легче было снять, не потревожив раненого, развела руки, словно тронула за оба плеча кого-то невидимого мне, и опустила, спохватившись: быть может, она имеет право на этот жест, поскольку не просто действительно знает, каким он был, живя среди его вещей, но любит и очень хочет понять.

Он очень близко подпускает нас к себе, мы не чувствуем дистанции времени, и возможность трактовать себя он оставляет бесконечную. И настроение, и мысли наши понятны были (это «были» хочется зачеркнуть) ему. Так много людей вмешивались в его жизнь, что это дает ему право теперь вмешиваться в нашу. Так говорила Попова.

Откуда она знает про то, как

он жил, почему я ей верю?..

Она сидела на стуле и смотрела в окно. Последний прижизненный портрет работы Линева висел на пустой стене. Один.

– Я силюсь представить его, понять хоть что-то в его жизни, – говорит Попова, отвергая мои слова о ее правах на Пушкина, – и чувствую, что не могу.

Оставив их в детской вдвоем, я вышел в кабинет. Кстати, она тоже часто выходит из комнаты, когда чувствует, что гостю и хозяину не нужен посредник, хотя любит наблюдать людей на Мойке, уверенная, что они проявляют себя здесь как нельзя лучше. Тут действительно трудно выдать себя за другого. И если один известный поэт, задержавшись в кабинете, прилег на диван, где умер Пушкин, и не умер сам после этого, значит, это очень здоровый и современный поэт, несмотря на некоторый туман, которым себя окутывает. И романтический режиссер шепотом (потому что кабинет – храм, святыня), сказавший жене: «За этим бюро Пушкин сбросил лежа, очень удобно, срисуй, и надо заказать такое же», – тоже очень здоров. (К тому же он, вероятно, любит работать, как Пушкин, валяясь до трех, иной раз, часов дня...)

– Хотите пройтись по кабинету с его тростью?

Я смотрю на Нину Ивановну с подозрением. Она смеется – тут грань едва видна. Примерить на себя пушкинский жилет – одно, а всего себя примерить к нему – иное...

– Ну что, хотите пройтись?

Я близорук и из опасения не рассмотреть грань отказываюсь от прогулки. Впрочем, кажется, трость мне и не дали бы, потому что, показывая, Попова не выпускает ее из рук.

Это была живая вещь. Вернее, со следами пушкинской жизни. Такую вещь нарочно не сделаешь. «Земляной» ее конец был «стоптан» в одну сторону – то ли он приволакивал трость при ходьбе, то ли опирался, словно на посох.

– Это его книги? – спрашивал я.

– Нет. На тысячу томов меньше. Видите – дверь в гостиную заставлена книжными полками.

Вижу. Даже дверь вижу и кушетку, приставленную Пушкиной к этой двери в трагические февральские дни, потому что я сижу в фантазиях своих в синей гостиной в тишине и темноте... За окном слышны одинокие шаги прохожего, дальний гром порожних лотков, складываемых у булочной в теплые хлебные ящики, и гаммы – глухо...

И вдруг какой-то добрый злоумышленник, пробравшись незаметно в новый Эрмитаж, обрезал люстру над парадной лестницей, и весь хрустальный хлам запрыгал вниз по мраморным ступеням к ногам атлантов и дальше по Миллионной (ныне Халтурина), к Мойке, на которой, сталкиваясь готическими ледяными дворцами и звеня, кружились прозрачные ладожские льдины. Смешавшись, лед с хрусталем осыпался у окон квартиры и с тихим шелестом ушел ко дну... Это играли полночь часы в столовой. Потом двенадцать деловых ударов, и в наступившей тишине я неожиданно услышал:

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой, –

Девичьи лица ярче роз...

Под окнами стояли мои друзья Алла и Толя Корчагины. Вернее, стояли бы, если все это было бы правдой, я уверен.

Они постояли бы и тактично ушли, а я не посмел себя обнаружить и, когда затихли голоса, выстроенные в ритм пушкинских стихов, зажег свечи в шандале на столе. Колесо тени от абажура медленно покатилося по потолку. Ночь пошла на убыль.

Я сидел у стола и думал: надо написать о любви. Как Нина Ивановна любит его, как он заполнил всю ее жизнь, как он научил ее чувствовать. («До встречи с ним я была синим чулком»), о том, что у нее был муж-писатель, что ей постоянно надо было переключаться... И не забыть бы, кстати, что Наталья Николаевна пыталась переписывать начисто рукописи Пушкина, да не нашла в этом радости.

Потом я вспомнил, что какой-то негодяй, приехав из-за рубежа в отпуск на родину, пытался

украсть гравюру на кости из музея и что его друзья оказались влиятельнее, чем друзья Пушкина (увы), и вместо наказания он вновь уехал представлять нашу торговлю в Италию, кажется...

Я думал о том, что друзья Александра Сергеевича все же сильны и благодарны, что они обязательно отремонтируют ему дом, замостят двор и купят лошадей в конюшню. Почему он не должен иметь своего выезда?..

И откуда эта музыка? Гаммы? Вальсы?.. Клавиши прямо-струнного пианино нажимаются сами, молоточки ударяют куда надо и извлекают точный, щемящий звук... Были такие музыкальные автоматы. Но такого нет в квартире, только в планах (после ремонта)... Сами клавиши нажимаются. Впрочем, и Пушкина тоже нет. Но клавиши нашей души нажимаются сами...

Я очнулся от звука, который мог разбудить этот дом и тогда. Дворник под окнами соскребал с тротуара снег. Который теперь час, день, век? Это и был итог ночи – объединение времени методом потери его. (Или в нем?)

Не знаю, кто открыл бы квартиру и выпустил меня на улицу, может быть, я вышел бы сам, слившись с группой посетителей, но часов в десять или одиннадцать я ступил бы на набережную. Там был бы день!

Ночью шел снег, а теперь – солнце, сосульки на решетках мостов, вода в следах... Я пошел бы по Мойке пешком в Коломну, во мне звучал бы неясный аккорд прямо-струнного пианино, вокруг было бы стереоскопически ясно, и предметы, люди, поступки после нереальной ночи были бы полны смысла и добра.

У Крюкова канала я сообразил бы, что свечи в чернильном приборе с арапчонком догорели и надо купить новые. Я купил бы их в Никольском соборе по полтора рубля за штуку и пошел бы к выходу. В сумерках собора я увидел бы огромного черного кота, который лежал на батарее, свесив лапу в белой перчатке до локтя (видимо, вернувшись с бала, не успел снять). Шаг-

Юрий Рост

нуж из полутьмы в свет, я едва успел поймать глазом улетающую в небо Никольскую колокольню великого зодчего Саввы Чевакинского. В ясном небе ее было видно долго...

А все-таки жаль, что Пушкина не было дома! Потом ненадолго усомнился, зачем ему моя компания, но тут же нагло и весело подумал: «А вдруг!»

Мы подружились с Поповой на долгие годы и дружим по сей день, хотя в Фонтанном доме, где она нынче возглавляет музей Ахматовой, бываю не часто. Я полюбил Нину Ивановну вовсе не для того, чтобы наилучшим образом быть представленным Александру Сергеевичу... Скорее, я потянулся к живому Пушкину, чтобы время от времени иметь счастье слушать ее рассказы об отсутствующем друге.

А тогда я вернулся на Мойку днем и увидел Нину Ивановну. Она почувствовала, что было прожито за день и ночь, и спросила бы:

– Ну что, узнали ли вы больше о Пушкине?

– Нет, – ответил бы я. – Но благодаря вам я понял, что без него скучно жить.

<http://www.yury-rost.ru/portrets/century/item148/>

Александр Македонский

КУЛИНАРНЫЕ ТРАДИЦИИ АНТИЧНОГО МИРА

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

«Когда Александр Македонский завоевал Персию, первое, что он сделал – приказал отнести его на кухню персидского царя. Когда Александр увидел обилие еды, в особенности большое разнообразие сладостей, сказал, – «теперь я понимаю почему они проиграли со мной войну». Может показаться странным, но большинство древнегреческих воинов были вегетарианцами, равно как и гладиаторы. Это выяснилось после того, как ученые исследовали останки солдат используя самые современные технологии. Известно, что греки с большим вниманием относились к своему питанию. Само слово «диета» по-гречески означает «питание»», – этим интересным рассказом начала повествование об античных кулинарных традициях президент Гастрономической ассоциации Грузии, профессор Тбилисского государственного университета Далила Цатава. Во время кулинарных туров, организованных в рамках проекта «Гастрономический гид» компании «Боржоми» она поведала много интересных

фактов из истории кулинарии, о трактатах древних философов, конкретных блюдах и рецептах.

ПОВАР ПО ИМЕНИ КУЛИНА

По словам Цатава, существует интересный миф о том, что в Афинах стояла скульптура бога медицины Асклепия, рядом с которым сидели две его дочери Гигея, богиня здоровья, и Панацея, богиня-«всецелительница». Позади них стоял их повар по имени Кулина, именно от него произошло слово «кулинария». Мораль этого мифа состоит в том, что еда влияет на очень многие факторы человеческой жизни. Позднее данную мысль хорошо сформулировал известный немецкий философ Людвиг Фейербах, чья фраза стала одним из главных постулатов для современных исследователей гастрономической культуры, – «мы едим то, что мы едим». Еда в большой степени формирует традиции народов, и наоборот, обычаи формируют культуру трапезы, на нее также влияет география, образ жизни, и в особенности религия. Это хорошо видно из древнейших трак-

татов о еде.

Известный римский оратор и писатель Плиний Младший и историк Тацит много писали о гастрономической культуре. Поэт Гораций любил готовить кушанья, работать в огороде, самолично выращивал капусту и морковь на своей грядке. Римский государственный деятель и писатель Плиний Старший, погибший во время извержения Везувия в 79 г. в Стабиях, пытаясь спасти людей и исследовать причины катастрофы, написал 37 книг «Естественной истории», своеобразную энциклопедию естествознания древности, где описал в том числе и свойства различных овощей. Гиппократ обращал большое внимание на питание и его воздействие на мышление и физиологию человека, писатель и философ Сенека тоже работал в этом направлении – писал трактаты о питании и оставил один дельный совет для прекрасной половины человечества: «Если женщина хочет избежать подагры, она обязательно должна пить разбавленное вино (греки и римляне пили разбавленное вино), и каждый день есть в большом количестве овощи, особенно, морковь». А философ Цицерон отметил, что предки римлян хорошо сделали, превратив встречи друзей в пиры, так как «это важно для приобщения к полноценной жизни». Распределение времени в Вечном городе происходило по периодам принятия пищи в течение дня. При этом, существовали различия между порядком ежедневных трапез и пиров. В глубокой древности римляне обычно принимали пищу два раза в день. Блюда готовились из овощей, зерновых и круп. Основным блюдом была кутья, для приготовления которой в воде варили молотые или цельные зерна пшеницы и добавляли соль. Со временем римляне выработали новые привычки и перешли на трехразовое питание, которое состояло из раннего завтрака, полуденного перекуса и вечернего ужина. На завтрак они в основном ели хлеб и сыр, иногда добавляли оливки, сухофрукты, молоко и мед. Полдник состоял из овощей и фруктов, зерновых и яиц. Жители Рима в

полдень обедали в тавернах или термофолиях (т.е. столовых). Самое большое значение придавалось ужину, который начинался после купания, с 14 до 16 часов, и, если не считать особых пиров, завершался до наступления темноты.

ЛУКУЛЛОВЫ ПИРЫ

По словам Далилы Цатава, самым популярным в античном мире был феномен трапезы в Древнем Риме, часто доходивший до чревоугодия, т.к. римляне процесс принятия пищи возводили в культ. В триклиние (гостиная, зал для пиршеств) зажиточные граждане города вкушали еду, возлежав на ложах в форме полумесяца. Их трапеза иногда доходила до того, что в конце пира в зал вносили перья павлина, чтобы после приема непомерного количества пищи гости могли вызвать у себя рвоту.

Именно из Древнего Рима известны знаменитые Лукулловы пиры, названные в честь «автора», полководца и политика Луция Лукулла. «Он был очень смелым и сильным военачальником, в 73-70 гг. до н.э. одержал победу над Митридатом и вытеснил его из Понтийского царства. Однако вскоре его заменили другим военачальником – Помпеем. Когда Лукулл завоевывал новые земли, он искал рецепты местных блюд, записывал и привозил их домой», – отметила Цатава. По ее словам, после отставки Лукулл вернулся в Рим сказочно богатым человеком, вел роскошный образ жизни, построил дворец, состоящий из залов различного цвета – зеленого, красного и т.д. Полагают, что у каждого зала было свое меню. Гости, побывавшие у него, приходили в восторг не только от обилия еды, но и вкуса самих блюд. Лукулл писал, что с особой аккуратностью подходил к изготовлению осьминога, т.к. чтобы из него приготовить хорошее блюдо, «нужно совершить 12 подвигов Геракла». Большой славой пользовался его изысканный десерт – пирог золотистого цвета, и никто не знает, каким образом Лукуллу удавалось получать такой цвет печеного. Однажды он и Помпей встретились. Помпей ска-

зал ему: «Я знаю, что ты дома держишь множество живности и птиц, из которых готовятся твои знаменитые кушанья. Но давай пойдем к тебе без предупреждения, не приказывай рабам, чтобы они готовили что-то из ряда вон выходящее». Лукулл согласился при условии, что Помпей позволит ему сказать рабам только одно слово. Когда они вошли во дворец Лукулл сказал слугам только одно слово – «зеленый», буквально через несколько минут в этом зале накрыли стол. Гости вышли оттуда изумленными, сказав: «Это и вправду Лукулл во всем своем величии».

ВЕРХОВНЫЙ МОТ СРЕДИ РАСТОЧИТЕЛЕЙ

Император Тиберий однажды дал задание знаменитому гурману Марку Гавию Апицию собрать большую информацию не только о рецептах, но и правилах приема пищи, сочетании различных продуктов и блюд. Апиций был сыном богатых родителей, все огромное наследство промотал в пирах, не зря же Плиний Старший назвал его верховным мотом среди расточителей. «Он разводил свиней, которых знаете чем кормил? Сушеными фидами и поил ме-

Тиберий

довым вином. Представляете, какая из этой свинины получалась ветчина? Он описал одно оригинальное блюдо: жареную курицу с гарниром из фасоли – для нас непривычное сочетание. Апиций очень любил язык фламинго, считая что это изысканное яство обладает превосходным вкусом», – отметила Цатава. Имя Апиция стало нарицательным, кулинарные но-

Греки пируют

ваторства этого гурмана вошли в сборник рецептов, названный по его имени, составленный в конце IV века н. э. В этой книге отразилась не только римская, но и греческая кулинарная традиция и даже рецепты, пришедшие с Востока. Она состоит из десяти частей, в ней описаны почти все продукты питания античной Греции и Рима. Приведем лишь один рецепт из этой книги, стиль автора сохранен: «Поросенок в кислом соусе: тщательно разделай поросенка и опусти его в пряный соус: положи в ступу пятьдесят зерен перца, меда по необходимости, три сушеных луковицы, немного зеленого или сухого кориандра, гемин (мера объема, равная – 0,269 л.) подливы, секстарий (мера объема, равная – 0,5475 л.) масла, гемин воды, все это смешай на сковороде. Положи туда поросенка. Когда закипит, помешивай, чтобы продолжал кипеть. Если соус будет выкипать, добавь гемин воды. Приготовь поросенка и подавай». В сборнике особое внимание уделено перцу, который пользовался популярностью среди населения. Примечательно, что

Юлий Цезарь

Оливковое масло

в книге описан способ приготовления толмы именно в том виде, в каком ее готовят сегодня. Первая толма (рубленое мясо, завернутое в капусту) была изготовлена в античной Греции, отсюда же берет начало и другая разновидность этого блюда – мясо, завернутое в виноградный лист. Здесь же описано семь различных видов моркови. Автор дает дельный совет любителям обильной трапезы: «Если собираетесь пировать в свое удовольствие, нужно заранее поесть вареную капусту». В связи с этим можно провести параллель с египетской гастрономической культурой, где перед трапезой в качестве аппетайзера вносили вареную капусту.

ЦЕЗАРЬ – ЛЮБИТЕЛЬ МОРКОВИ

В Древнем Риме морковь употребляли в качестве десерта до и после обеда, ели вместе с изюмом, фундуком, также добавляли мед. Насчет нее сохранилась интересная запись историографа Юлия Цезаря. Оказывается, император очень любил этот овощ и считал, что морковь является одним из самых сильнодействующих афродизиаков (вещества, стимулирующие половое влечение. Их название происходит от древнегреческой богини любви Афродиты). Иногда это пристрастие правителя становилось темой для шуток. Как-то раз Цезарь пригласил к себе на трапезу

Сенат и приказал своему повару приготовить огромное количество блюд с условием, что в состав каждого из них будет входить морковь. «И правда, повара постарались на славу, видимо, гости остались весьма довольны угощением, т.к. далее в записи летописца указано, что спустя год после данного пира в Риме родилось много незаконнорожденных детей», – с улыбкой отметила Цатава. Другой император Диоклетиан также был большим гурманом, после ухода с должности правителя он заявил, что будет жить в своем дворце, и начал выращивать капусту и морковь. Однажды, когда в стране накалилась политическая ситуация, к нему пришли патриции и попросили возвратиться к правлению. Он их отвел в свой огород, показал урожай и сказал: «Я вырастил такую великолепную капусту, что не могу оставить ее без присмотра».

Создание технологии копчения продуктов тоже является заслугой римлян, их гарнизоны стояли в Крыму. Сегодняшнее украинское сало, являющееся одним из брендов страны, берет истоки именно от римлян. В Древнем Египте очень популярным был черный редис, который и сегодня можно купить на тбилисском рынке. Как пишут историографы, у египетских рабов в ежедневном рационе обязательным компонентом был черный редис, чеснок, фиги, ячменная вода. Однажды рабы даже устроили восстание на одном

из строительных объектов из-за того, что в течение двух дней их не кормили чесноком, этот продукт в Египте считался пищей богов. Он содержит все необходимые минералы и вещества для нормального функционирования человеческого мозга. Известно, что в старину многие врачи и знахари использовали чеснок как лечебное средство.

СОЛЬ НА ВЕС ЗОЛОТА

В качестве лечебного средства в античном Риме использовали соус под названием «гарум». Его изготавливали из тунца, анчоусов и маленьких моллюсков, к которым добавляли соль и в каменных чашах готовили гарум. Полученную смесь выдерживали на протяжении двух-трех месяцев (происходила ферментация продукта), затем ее отжимали и использовали в качестве обычной приправы. Примечательно, что глава города запрещал готовить соус на территории города, поэтому в лесу специально сооружались строения для производства гарума. Соус выносили на продажу в специальных амфорах. Римляне активно использовали гарум в своей гастрономической культуре, чего нельзя сказать о соли, которая очень дорого стоила. Об этом свидетельствует и тот факт, что когда Александр Македонский или римские военачальники давали своим воинам соль, солдаты не имели права делиться ею с населением той

страны, в которой находились – за этот поступок их могли наказать смертной казнью – настолько важным продуктом была в те времена соль. Этот продукт и в Грузии издревле считался дорогостоящим сырьем. Именно с ним связано происхождение известных изречений «Вышел за солью» (т.е. умер) и «Если соль рассыпать – посоримся» (худая примета): все из-за той же дороговизны товара часто имели место разбои, вследствие которых погибали торговцы, завозившие данный продукт на территорию Грузии, вот почему все эти изречения носят негативную окраску. Гастрономические туры соли – очень востребованный и модный продукт в современной туристической индустрии. Самый старый музей соли находится в Польше, в Кракове. Это уникальный музей под землей, там можно увидеть, в каких адских условиях трудились рабочие, добывающие соль, там же можно увидеть, как из этого сырья создавались произведения искусства – фигурки из соли, маленькие статуэтки, различные приборы, люстры, переливающиеся всеми цветами радуги.

ПИВО ОТ ШУМЕРОВ

«Мы встречаем очень интересные истории в гастрономической культуре шумеров, например, варка пива – часть шумерской культуры. Они свои пекарни строили рядом с пиво-

варней, т.к. процесс изготовления пива и выпечки хлеба был тесно переплетен между собой, ведь пиво получают из закваски», – отметила Далила Цатава. По ее словам, в одном исследовании она прочла, что на большинстве из найденных на территории Ирака шумерских глиняных плит обнаружены кулинарные тексты. Естественно, данная сокровищница сохранена не в лучшем виде, но ученые предполагают, что это одна из гастрономических книг. Она состоит не только из рецептов, в ней также сказано, как принимать пищу, подробно описаны микробиологические свойства пищевых продуктов. Например, приведены 80 различных способов использования финика, которым шумеры подслащали еду, в том числе и ритуальный хлеб. «Здесь же можем найти очень интересный рецепт, похожий на пирог: муку нужно замесить в козьем молоке, добавить сок финика в качестве подсластителя. Можно представить, какой это был изумительный пирог. Кстати, термин «пирог» восходит к слову «пир» из старославянского языка, оно означает печеное для пира», – отметила Цатава. В статье приведена лишь малая часть историй о кулинарных традициях древнего мира, следующий рассказ будет посвящен не менее интересной гастрономической культуре Грузии.

Блюдо из осьминога

Артиллеристы обороняют Порт-Артур

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Первая азербайджанка-сестра милосердия. Автор первого русско-азербайджанского военного словаря, генерал-герой, крупный теоретик артиллерийского дела. Первый в Азербайджане военный летчик... Этим трех неординарных людей связывают не только семейные узы, их судьбы объединяет и столица Грузии, в которой каждый из них сделал первые шаги на пути, ведущем к славе. Знакомство с ними начнем с женщины, достойной стоять в одном ряду с английской аристократкой Флоренс Найтингейл и дочерью российского матроса Дарьей Михайловой – основоположницами в мире движения сестер милосердия, по разные стороны фронта Крымской войны 1853-1856 годов. У нее длинное, цветастое имя – Нигяр ханум Гусейн-эфенди кызы Шихлинская. Но мы будем называть ее более коротко, как соседи по тифлисской улице –

просто Нигяр.

Она родилась в 1870 году в Тифлисе в семье многолетнего муфтия Закавказья, председателя Закавказского суннитского духовного правления Мирзы Гусейна Эфенди Гаибова. Это настолько удивительный человек, что о нем нельзя не рассказать особо. Тем более, что он – родственник всех трех наших главных героев. Он был «одним из величайших духовных лидеров в истории Азербайджана», видным богословом. И при этом современники почитали его не только как просветителя, систематизирующего азербайджанское литературное наследие, но и как... борца с предрассудками, сторонника прогресса.

Прямо скажем, искренняя вера и набожность нечасто сочетаются со светскими принципами жизни. А этот муфтий выступал за право женщин наравне с мужчинами получать образование, был против но-

шения чадры, утверждая, что это «ни в чем не противоречит законам шариата и является благотворным и необходимым для общества». Более того, он утверждал, что «не шариат накладывает запрет на женское образование и предписывает ношение чадры, а иранские порядки, насажденные в результате завоевания». Его убежденность в могуществе разума и просвещения стала примером совместимости веры и светских знаний.

Взгляды свои муфтий доказывал на практике. «Женившись на молодой, очень красивой девушке, он ее не кутал в чадру и не прятал от мужчин, а разрешил ей участвовать, совместно с мужчинами, в благотворительном мусульманском обществе, посвятившем себя также помощи молодежи, ищущей знаний», – писал его зять Али-Ага Шихлинский. Эта женщина – Саадат-ханум состояла

Муфтий Мирза Гусейн Гаибов

в кавказских благотворительных обществах. Ее с Гусейном Эфенди дочери Нигяр и Гевхар с отличием оканчивают Закавказский девичий институт. И это тогда, когда даже светски образованные мусульмане редко позволяли дочерям учиться в таких заведениях. Ну а сыновьям Гаибов и подавно обеспечивает высшее образование.

Этот религиозный деятель был ближайшим другом философа-материалиста, основоположника азербайджанской драматургии и литературной критики, писателя и общественного деятеля Мирзы Фатали Ахундова. И помогал ему в работе. Они вместе добиваются открытия в 1879 году мусульманского отделения при Закавказской учительской семинарии в Гори. Гаибов преподает в ней лишь два года, так как потом избирается на пост муфтия Закавказья. Хотя сразу предупреждает, что придерживается светского мировоззрения: «Я никогда не был духовным лицом, никогда не исполнял религиозных обрядов и впоследствии не буду, но предложенный мне пост приму, так как полагаю, что сумею принести таким путем наибольшую пользу моему народу».

Мирза Гусейн был убежден, что на новом посту он сможет эффективней помогать просвещению, которое считал высшим благом. И помогал поступать в учебные заведения способным молодым людям, у которых не было достаточно денег. Он сдружился с Ильей Чавчавадзе и, как подчеркивал его зять Шихлинский, был «совершенно свободен от националистических предрассудков. Любя свой народ, он никакой неприязни к другим народностям не питал. Будучи верующим мусульманином, он умел уважать и чужую религию, имел друзей среди русского, грузинского и армянского духовенства». По совету Ахундова, муфтий создает четырехтомный «Сборник стихотворений известных в Азербайджане поэтов», на основе которого председатель Кавказской археографической комиссии Адольф Берже издает «Стихи поэтов Азербайджана».

Умер Мирза Гусейн Гаибов в 1917-м в Тифлисе, где провел большую часть своей жизни. Прочтем публикации в трех февральских номерах газеты «Каспий»: «Перед смертью покойный высказал желание, чтобы венков на гроб его не возлагали, а деньги, предназначенные для этого, жертвовали на благотворительные цели... Городской голова отправил семье телеграмму следующего содержания: «Тифлисская городская дума единодушно уполномочила меня выразить вам ее глубокое соболезнование по поводу кончины уважаемого Мирзы Гусейна Эфенди Гаибова, бывшего защитником интересов своей паствы и поборником просвещения в мусульманской среде... Августейший наместник разрешил по ходатайству попечителя Кавказского учебного округа Н.Ф. Рудольфа освободить учащихся мусульман старших классов средних учебных заведений Тифлиса 23 февраля для присутствия на похоронах муфтия. Вызваны также учащиеся городской учительской семинарии».

А это – в связи с национальным вопросом, как сказали бы теперь: «Семье скончавшегося Закавказского муфтия Мирзы Гусейна Эфенди Гаибова

армянским центральным комитетом послана следующая телеграмма: «Главный комитет армянского благотворительного общества и армянский центральный комитет высоко ценят заслуги усопшего старца, блаженной памяти муфтия...» На похоронах присутствовали мусульманское духовенство... армянское григорианское духовенство... представители православного духовенства, попечитель Кавказского учебного округа Н.Ф. Рудольф, директор канцелярии наместника камергер Истомин, губернатор Тифлиса, городской голова, предводитель дворянства, предводители различных общественных организаций – мусульманских, русских, армянских, грузинских, учащиеся мусульманских средних учебных заведений Тифлиса и много народу... «По пути следования траурной процессии магазины были закрыты».

И лишь в одном этот удивительный человек, как говорится, «прокололся» – в вопросе замужества своей старшей дочери. Впрочем, в этом деле отцовскому сердцу ничего не прикажешь, независимо от национальности и вероисповедания. Нигяр с юных лет была влюблена в своего дальнего родственника, троюродного брата Али-Агу Шихлинского. Тот родился в небольшом азербайджанском селе в 1863 году, в се-

Нигяр Гаибова

Полковник Али-Ага Шихлинский в 1905 г.

мье двоюродной сестры муфтия Гаибова и выходца из знатного рода, который после вхождения Азербайджана в Российскую империю стал носить фамилию на русский лад – Шихлинский. В двенадцать лет Али-Агу родители отдают на воспитание муфтию, в Тифлис, и спустя годы он вспоминал: «Отец и мать все время жили в деревне и поэтому я полностью перешел под опеку Мирза Гусейна Эфенди. Всем моим последующим воспитанием был занят он. Его наставления и достойная подражания личная жизнь оказали на меня огромное воздействие и оставили такой глубокий след в моем характере и мировоззрении, что я обязан этой личности, которая заслуживает самого высокого уважения».

Когда Гаиров приводит его в частную гимназию Тер-Акопова, к директору Семену Монастырцеву, мальчик знает не больше 30 русских слов и кое-как считает. Но его опекун уверенно заявляет: «Через два месяца он опередит своих товарищей». Шихлинского определяют в третье отделение из четырех за месяц до зимних каникул 1875-76-х годов, через три недели переводят уже во второе отделение, а в июне он с отличием переходит в первое отделение. На то, что он преодолел за 7

месяцев, ученикам, владевшим русским языком, обычно требовалось 2 года. Уже в августе 1876-го Шихлинский поступает в Тифлисскую военную гимназию (позже переименованную в кадетский корпус), где становится лучшим в классе, хотя заниматься начинает на полтора месяца позже других из-за перелома ноги.

Тогда-то и начинается детская дружба Нияр и Али-Аги, перерастающая в любовь. Блестяще окончив военную гимназию, юноша поступает в знаменитое Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Влюбленные постоянно переписываются, Мирза Гусейн не может не заметить этого и в душе уже согласен благословить дочку на брак с будущим офицером. А тот – в первой тройке по успеваемости, лучший наездник училища, отличный физкультурник. Ему уже не хватает занятий, проводимых в училище знаменитыми профессорами того времени. Он слушает еще и лекции в Академии генерального штаба, в Военно-инженерной академии. В 1886 году, с денежной премией и золотыми часами за отличную учебу, подпоручик Шихлинский убывает к месту службы.

А потом переписка с любимой девушкой прерывается на пять месяцев, и этим, как в авантюрно-любовной пьесе, спешит воспользоваться посторонняя

женщина, обожающая своего сына. Дело в том, что судьей Газахского уезда назначается аджарский князь Мамед-бек Палавандов (Палавандишвили). Он – давний знакомый муфтия, и Мирза Гусейн приглашает его в Тифлис, чтобы поздравить с назначением. Во время застолья жена новоиспеченного судьи видит Нияр и решает, что та должна достаться только ее сыну по имени Дервиш-бек.

«Атака» на родителей девушки ведется по всем канонам сватовства. Ее мать Саадат-ханум все время напоминает, что дочь любит другой человек, что ей надо продолжить учебу, но чета Палавандовых не угомоняется. В итоге муфтий сдается. Когда его спрашивают, почему он согласился на брак дочери с Дервиш-беком, звучит полушутливый ответ: «Али Ага – военный, его скарб на плече. Сегодня будет жить в одном городе, завтра – в другом. К тому же он умен и талантлив, везде сможет найти свое счастье. Нияр я люблю как свет очей своих. Она моя помощница в делах. Не могу я ее дальше глаз отпустить, короче, не желаю, чтобы моя дочь жила в чужих городах...».

Ну а Шихлинский стремительно шагает по ступеням военной карьеры. Он – преподаватель бригадной учебной команды, готовящей унтер-офицеров, старший офицер, потом

Офицеры-артиллеристы и их жены в Порт-Артуре с Шихлинским (в центре)

Ежегодный прием Георгиевских кавалеров у Николая II

– командир батареи. В составе Отдельного Забайкальского артиллерийского дивизиона участвует в Китайском походе, сражаясь с противниками иностранных новаций и христианства в Китае. Русско-японскую войну капитан Шихлинский встречает кавалером орденов Святого Станислава 2-й и 3-й степеней, Святой Анны 3-й степени. И участвует в легендарной обороне города-крепости Порт-Артур.

Прочтем документы, свидетельствующие о том, как он воевал. Дневник журналиста порт-артурской газеты «Новый край» о событиях 13 ноября 1904 года во время четвертого штурма японцев: «На Лаперовской горе (в тылу форта III и укрепления № 3) тяжело ранен командир батареи капитан Али-Ага Исмаилоглы Шихлинский. Храбрый, как кавказцы вообще, он участвовал в боях на Кинчжоу, на Зеленых и Волчьих горах, в начале августа был со своей батареей на Высокой горе, а с 10 августа бессленно находился на Лаперовской, откуда обстреливал подступы к укреплениям, помогал отражать штурмовые колонны и боролся с неприятельской полевой артиллерией».

А это – из Высочайшего указа от 28 сентября 1905 года о награждении Али-Ага орденом Святого Георгия Победоносца 4-й степени: «За искусную и

успешную, с 13 по 17 октября 1904 года, артиллерийскую оборону форта № 3 и укрепления того же №, причем, действуя вверенной ему полубатареей против превосходящих сил противника, нередко лично наводя орудия за убылью наводчиков, неоднократно приводил неприятельскую артиллерию к молчанию и отбивал попытки японской пехоты завладеть подступами к упомянутому укреплению».

С тяжелым ранением, о котором пишет журналист, Шихлинский попадает в плен к японцам. Николай II разрешает своим пленным офицерам вернуться в Россию, если они письменно пообещают противнику больше не участвовать в войне. Многие так и сделали, а некоторые, в том числе Шихлинский, отказались, считая это унижительным. Но временная смешанная русско-японская комиссия признает его не годным к военной службе из-за ранения. Такое, уж, тогда было отношение к пленным. И весной 1905 года Шихлинского эвакуируют в Россию, без каких-либо обязательств с его стороны.

За эту войну, помимо Георгиевского креста, он удостоивается золотого оружия с надписью «За храбрость», мечей к имевшемуся у него ордену Святой Анны 2-й степени, ордена Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом и

ордена Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Взяв из-за ранения полугодовой отпуск, два месяца он проводит в Эссентуках, а остальное время – на родине:

«Эти 4 месяца в нашем доме прошли как сплошной праздник. Со всего уезда приезжали меня навещать. Не только наш дом каждый день наполнялся посетителями, но меня с моими ближайшими родственниками приглашали в разные села нашего уезда то на обед, то на ужин, где собиралось 20-30 человек. От пятилетнего пребывания на Дальнем Востоке и от годичной страды в Порт-Артуре я отдохнул и почти забыл о своей ране, но 1 октября, через пять месяцев после снятия повязки, вдруг разболелась ступня раненой ноги. Температура поднялась до 40°. В это время я был в Тифлисе».

Он снова уезжает с Петербург, на этот раз лечиться. А через полтора месяца, в ноябре 1905-го, в День Георгиевских кавалеров, ежегодно отмечаемый при Высочайшем Дворе, производится в подполковники. В тот же день, вместе с другими

Супруги Шихлинские

Нигяр-ханум – сестра милосердия

обладателями высокой награды, Али-Ага приглашается на прием в Царскосельский дворец и представляется императору. Причем отнюдь не в придворном облачении – «имея на правой ноге изящный лакированный сапог, а на левой – синий суконный сапог, доходивший до половины голени»...

Подполковнику полагалось командовать батареей, но вакансий не было, и Али-Ага просит направить его в Офицерскую артиллерийскую школу стрельбы, в которой проходят стажировку командиры артиллерийских дивизионов и бригад. Он не просто на «отлично» оканчивает ее курс, но и остается в ней преподавателем. Да еще удостоивается «Высочайшего благоволения» – монаршей награды, которая «зависит единственно от непосредственного Государя Императора Высочайшего благоусмотрения, и поэтому никаких представлений о том со стороны начальства не допускается». Имевшему это именное благоволение полагались льготы при получении на-

Супруги Шихлинские (в центре) в Офицерской артиллерийской школе. 1915

град и пенсии.

А потом в жизни делающего столь блестящую карьеру офицера знаменательные события происходят одно за другим. Во-первых, работая в Офицерской артиллерийской школе, он разрабатывает оригинальный метод определения невидимых напрямую целей, который под названием «треугольник Шихлинского» во всем мире войдет затем в учебники по артиллерии. Во-вторых, он становится полковником ровно через три года после производства в подполковники. Редчайший случай для мирного времени. А в-третьих, в 1909-м, ненадолго приехав в Тифлис, он встречает Нигярханум. Которую никогда не забывал. И события этой встречи походят на сюжет индийского фильма.

Герой войны видит, что годы не лишили красоты единственную любовь его жизни. И узнает, что она пережила трагедию – муж ее умер за два года до этой встречи, а девятилетний сын Хосров уехал с дядей в Турцию и там пропал. Улучив момент, Али-Ага признается Нигярханум в любви и предлагает ей руку и сердце. В роду Шихлинских находятся недовольные этим. Мол, муфтий из жадности выдал дочь за сына большого чиновника и этим оскорбил нас, а ты теперь хочешь жениться на ней, да еще вдовой. Но полков-

ник непреклонен: «Нигяр – моя первая любовь, первая мечта. Если даже мир перевернется, я женюсь на ней. Не важно, девушка она или вдова».

И через много лет он будет вспоминать: «Осенью 1909 года в моей личной жизни произошла, имевшая для меня огромное значение, перемена: 27 октября, 46 лет от роду, я женился на дочери моего родственника Закавказского муфтия Гусейна Гаибова Нигярханум... Эта перемена в моей жизни направила мое дальнейшее существование по светлomu пути, не затемнявшемуся ни клочком облака в течение 22 лет нашей совместной жизни. Обладавшая от природы большими способностями, хорошо образованная, очень кроткого характера, жена моя была создана для семейного счастья, и этим счастьем я пользовался в полной мере».

Жена следует за ним повсюду, куда забрасывает его судьба военного. А у него вновь успех за успехом. Когда в итоге он становится помощником начальника Офицерской артиллерийской школы, «посыпались поздравления от артиллеристов со всех концов России». Одно из них фактически повторяло то, что пришло из Франции. Профессор Николаевской академии Генерального штаба Александр Незнамов присылает телеграмму: «Поздравляю вас и рус-

скую артиллерию». А начальник французской Офицерской артиллерийской школы генерал Шарль Мари Эдуард Нолле, которому после Первой мировой войны предстоит возглавить межсоюзническую комиссию по контролю за побежденной Германией, а потом стать военным министром, пишет в открытке: «До меня дошло известие, что вы назначены вторым шефом русской артиллерийской школы. Я поздравляю с этим назначением русскую артиллерию».

А в аттестации по месту службы Али-Аги – уникальная формулировка: «выдающийся, достойный выдвижения на должности вне очереди». Через годы он признавался: «Хотя впоследствии я занимал очень высокие должности – до командования армией в военное время включительно, но и до сих пор эта небывалая аттестация является предметом моей гордости». Приятное доказательство военного мастерства Шихлинского появляется и на его мундире – погоны генерал-майора, полученные в 1912-м. И он очень гордится, что это происходит намного раньше положенных сроков – «через четыре года и 36 дней после производства в полковники. Правила же на этот счет были такие: обычно срок пребывания в чине полковника составлял 10 лет, отличившихся производили за 8 лет; в особо редких случаях производили за 6 лет».

Аэроплан «Илья Муромец»

Он издает труды, получившие широкое распространение и оказавшие значительное влияние на развитие артиллерийской науки во многих странах: инструкцию для организации артиллерийских маневров в составе дивизиона, конспект лекций об употреблении в бою полевой артиллерии и статью о «треугольнике Шихлинского». А то, как он обучает офицеров, отмечено не только орденом Святого Владимира 3-й степени. В 1912-м генерал Нолле присылает ему из Франции Офицерский крест ордена Почетного легиона. А на следующий год прибывший с визитом к царю президент Французской республики Раймон Пуанкарэ привозит с собой два командорских (генеральских) креста ордена Почетного легиона, из которых один получает командир гвардейского корпуса, генерал-адъютант, генерал от кавалерии Владимир Безобразов, а второй – Али-Ага.

Первая мировая война застает супругов в Царском селе. Шихлинский, руководящий там все той же школой, назначается еще и начальником артиллерийской обороны Петрограда – на случай высадки немецкого десанта. Затем устраняет недочеты в управлении артиллерией на Юго-Западном фронте. А его жена в первый же день войны, 1 августа 1914 года публикует в официальном печатном органе Военного министерства, газете «Русский инвалид», публичное обращение ко всем женам рос-

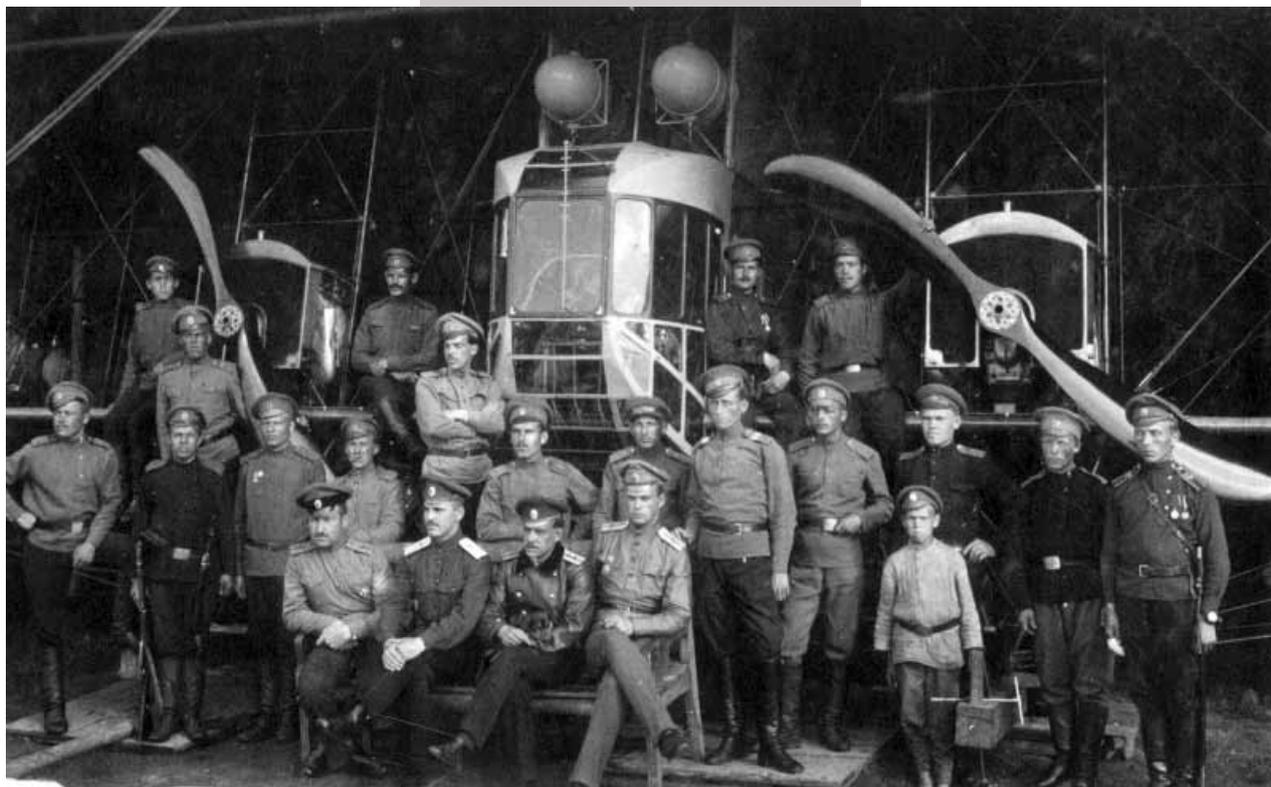

Фаррух-Ага Гайбов

сийских офицеров, призывая их в ряды сестер милосердия. Такого не знала вся военная история России.

Необходимо было в разы увеличить число медицинских учреждений для лечения воюющих, стали создаваться временные госпитали, в которых работали жены, сестры и дочери офицеров. Больница Красного Креста для фронтовиков создается и в казармах артиллерийской школы. Ею руководит дамский комитет во главе с Нияр-ханум. Али-Ага вспоминал об этой больнице: «...Обычно ее называли «Больницей Шихлинской». Моя жена постоянно была в лазарете и, помимо своих обязанностей председательницы комитета, писала раненым солдатам письма к родным на русском языке, на языке казанских татар, казахском и других. Солдаты называли ее не иначе как «мамаша».

Инспектор артиллерии армий Западного фронта Шихлинский в 1916-м создает школу для совместного обучения ар-

Команда и экипаж «Илья Муромца». Слева сидит поручик Гаилов

тиллеристов и летчиков, не зная, что среди погибших в тот год – его родственник, сочетающий обе эти воинские профессии, первый военный авиатор-азербайджанец Фаррух-Ага Гаилов. Племянник Закавказского муфтия Мирзы Гусейна остался без отца и, окончив в родном селе пять классов русско-азербайджанской школы, по совету именно Шихлинского поступил в Тифлисский кадетский корпус. В 1910-м, окончив его с отличием, он отправляется в Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. И там за ведение орудийной стрельбы получает первую свою награду – мечту всех молодых людей того времени, золотые часы знаменитой швейцарской фирмы «Павел Буре». Первую мировую войну он встречает подпоручиком-младшим офицером батареи на Кавказском фронте, затем, уже в чине поручика, направляется на Западный фронт артиллерийским офицером самолета «Илья Муромец».

Это – первый в мире четырехмоторный тяжелый бомбардировщик, его использовали для ударов по тылу противника. В экипаже из четырех человек на Гаилове лежали обязанности бомбометания, стрельбы из

пулемета и фотографирования с воздуха позиций противника. В первый же свой вылет он разрушил очень важный в стратегическом отношении мост через Неман, сильно задержав перевозку немецких войск и грузов. «Поручик Гаилов неоднократно совершал удачные полеты с явной опасностью для жизни и наносил ущерб неприятельским лагерям, складам, сообщениям и станциям», – значит в официальных документах.

А 18 сентября 1916 года, за две недели до 25-летия Фарруха-Аги, газета «Петроградские известия» пишет: «Из штаба Верховного главнокомандования сообщают, что на Западном фронте наш аэроплан в районе Борун-Крево вторгся в тыл вражеских войск. Точными бомбовыми ударами были взорваны различные пункты, вызваны пожары на вражеском складе. Кроме того, разбомблены транспортные средства, железнодорожные станции, автомобили. Во время полета поручик Фаррух Ага Гаилов со своим составом вступил в схватку с силами противника и сбил четыре германских аэроплана. После того, как они подожгли и два аэроплана, они упали на вражескую территорию и погибли». К

двум орденам, полученным поручиком Гаиловым, посмертно добавляются еще три, один из которых – Георгиевский крест 4-й степени. В те времена элита армии – летчики еще воевали по рыцарским традициям, и с германского аэроплана сбрасывают записку, в которой сообщается: немцы похоронили экипаж самолета с воинскими почестями.

А война продолжается... В 1917 году «за отличие по служ-

Генерал Шихлинский

*Дорогой
Владимир Ильич!*

Во время Гянджинского восстания все офицеры старой Азербайджанской армии были арестованы, в числе их были и подполковники сего известнейшие генералы Мехмандаров и Шихлинский. После тщательного расследования оказалось, что эти генералы не причастны, но все же до упреждения нашего патентов и с целью нашего общего благо делу им решено не отправлять в Ваше распоряжение для работы в Москве, т. е. так как военные специалисты там являются незаменимыми. Один из них

Письмо Нариманова Ленину

Шихлинский получает погони генерал-лейтенанта, назначается командующим армией. Но остается на этой должности недолго – сказываются старые раны. И в декабре 1917-го он увольняется в резерв. Пришедшие к власти большевики разваливают армию, становится ненужной «больница Шихлинской», и супруги возвращаются на Южный Кавказ. Али-Ага командует формируемым в Тифлисе Мусульманским (азербайджанским) корпусом, после провозглашения Азербайджанской Демократической Республики служит помощником ее военного министра, тоже портартуровца, генерала Самед-бека Мехмандарова. Когда создается Азербайджанская ССР, он – помощник наркома по Во-

2

Шихлинский в Николаевской армии стался «богом артиллерии». Он окончил полкового доктора путей от работ в Москве, а затем попросил отправить не к нам для формирования наших частей. Необходимо за это время за нами поухаживать. Тщательное убеждение: они покажут буржуазных, убеждена, что вербаидман об Советской России не имеют срабатывать, поэтому вращали Ата любовь России.

А. Нариманов

19-1-20

енным и Морским делам. Потом – жестоко подавленный антисоветский мятеж в Гяндже, и почти все царские генералы и офицеры оказываются в ЧК. Шихлинского спасает от расстрела глава Совнаркома Азербайджана Нариман Нариманов. Он отправляет его в Москву с сопроводительным письмом на имя... Ленина: «Дорогой Владимир Ильич! Во время гянджинского восстания все офицеры старой азербайджанской армии были арестованы, в числе их были и податели сего известные генералы Мехмандаров и Шихлинский. После тщательного расследования оказалось, что эти генералы не причастны, но все же до упреждения нашего положения и с целью помочь нашему общему

делу мы решили их отправить в Ваше распоряжение для работы в штабе, так как они, как военные специалисты, являются незаменимыми. Один из них, Шихлинский, в царской армии считался «богом артиллерии»... Пусть они работают в Москве, а затем попросу отправить их к нам для формирования наших частей. Необходимо за это время за ними поухаживать».

В Москве Шихлинский работает в Управлении инспектора артиллерии РККА, в Уставной артиллерийской комиссии, читает лекции в Высшей артиллерийской школе. Затем возвращается в Баку, преподает в военном училище, становится заместителем председателя Военно-научного общества Бакинского гарнизона, публикует «Краткий русско-тюркский (азербайджанский) военный словарь». Пенси-

Мемориальная доска Шихлинскому в Баку

онером становится в 1929-м, а спустя два года уходит из жизни Нигяр-ханум. «Смерть жены... была для меня роковым ударом. С женой вместе ушло от меня все – и счастье, и здоровье», – признавался генерал, которому ничего не оставалось, как писать мемуары, опубликованные через год после его смерти в 1943-м.

Согласитесь, интересных людей отправляет Тбилиси в большую жизнь...

Шихлинские в конце 1920-х

Лариса Крылова

АКТРИСА С ЧУТКОЙ ДУШОЙ

■ Инна БЕРИДЗЕ

В феврале мы отмечаем юбилей замечательной актрисы, заслуженной артистки Грузии Ларисы Дмитриевны Крыловой, прослужившей на грибоедовской сцене сорок лет!

Из последних впечатлений тбилисской публики, связанных с ее творчеством (актриса в последние годы проживает в Москве), – роль матери Любочки в спектакле Авто Варсимашвили «Russian блюз» по произведениям русских прозаиков. Лариса Дмитриевна играла замученную жизнью простую деревенскую женщину из рассказа Виктора Астафьева «Любочка». Мягкую, женственную, с приятным грудным голосом. Она вызвала сложное чувство – сострадание и вместе с тем осуждение. Когда почти

равнодушно, легко отпускала несчастную дочь, пережившую страшное потрясение, на все четыре стороны, не желая внести дискомфорт в свою относительно устроенную жизнь. А потом раскаивалась, убивалась по Любочке, от безысходности наложившей на себя руки. Роль была небольшая, да и текста совсем немного, но Ларисе Крыловой удавалось минимальными средствами, очень сдержанно передать драму своей героини, давно существующей без всяких иллюзий и потерявшей единственно дорогое – дочь. Во многом и по собственной вине. Ибо кто поддержит в скорбную минуту, если не мать?

Это была интересная работа. А память возвращала в прошлое – в 80-е годы прошлого

века, когда впервые увидела Ларису Крылову, услышала ее волнующий голос с глубоко запрятым драматизмом в нашумевшем спектакле «Дорогая Елена Сергеевна» Л. Разумовской. Она играла порядочную, благородную учительницу, ставшую жертвой циничных учеников. Показывала не только глубокое разочарование Елены Сергеевны в тех, в кого верила, на кого надеялась, но и потрясение от самого факта, что эти дети, готовые пойти на все, даже на преступление, ради отметок в аттестате, – именно ее воспитанники. И вновь актриса выражала всю глубину переживаний в свойственной своей природе стилистике – скупое, сдержанно проявляющее эмоциональное напряжение, страдание своей героини – и ее стойкость перед лицом зла. Это трогало до глубины души!

Чувствуется в актрисе Ларисе Крыловой – при всем ее лиризме – мягкая сила. Наверное, поэтому режиссер Котэ Сурмава доверил ей однажды роль Бернарды Альба в одноименном спектакле по пьесе Федерико Гарсиа Лорки. Лариса Крылова создавала образ властной, холодной фанатички, обладающей железным характером – при всей внешней хрупкости и незащищенности. В красивом тембре голоса ее Бернарды звучал металл...

Приведем несколько отрывков из рецензий на спектакли, в которых играла Лариса Крылова. «Большое дарование и хорошая школа сочетаются у Крыловой с богатством собственной природы. Она человек, живущий разнообразной и увлекательной жизнью, никогда не стоящий в стороне от событий. Встречи с Ларисой Крыловой не забудутся, потому что это встречи с настоящим искусством» (А. Левин. «Щедрость сердца». «Вечерний Тбилиси», 12 марта 1973 г.).

«Запоминается отличная немая сцена в начале спектакля, когда дед и внучка (Машенька – ее играла Л. Крылова и Окоемов из спектакля «Машенька». – И.Б.), находясь по разные стороны двери, идут навстречу друг другу, но так и не решаются открыть эту дверь в свое бу-

душее. Хмурый старик и робкая девочка в эту минуту так похожи друг на друга своим мучительным одиночеством, своей слабостью и своей бедой, так трогательны и доподлинны, что им теперь уже до конца спектакля обеспечено внимательное сочувствие зрительного зала» (Л. Финк. «Встреча с хорошими людьми». «Горьковская правда». Цит. по книге В. Петровского «Мавр Пясецкий». Тбилиси, 1982, с. 56).

«Младшую Дюбуа – Стеллу (спектакль «Трамвай «Желание» Т. Уильямса. – **И.Б.**) артистка Л. Крылова раскрывает во всей сложности. Стелла и мягка, и добра, и в то же время есть в ее характере черты бессердечия и эгоизма, привитые Стенли» (Ю. Немиров. «Трамвай, сошедший с рельсов». «Вечерний Ростов», 9 июля 1968 года).

«Та же беседа со зрителем – но окрашенная тонкими лирическими нюансами у актрисы Крыловой, играющей роль Ани (спектакль «Снимается кино» Э. Радзинского. – **И.Б.**). Аня весела, немного наивна, но по-возрослому чуткая, умеющая слушать и понять другого» (О. Шурыгина. Встреча с умным собеседником. «Волгоградская правда». 9 июля 1966 года).

Успех пришел к актрисе не сразу. Она много и упорно трудилась, прежде чем выйти на сцену и получить признание публики. Уже в юности Лариса мечтала о театре, поэтому сразу по окончании средней школы поехала в Москву поступать в театральный – увы, первая попытка оказалась неудачной.

Как пишет автор давней публикации о Крыловой, девушка из подмосковного города Воскресенска переехала в Николаевск, поступила на цементный завод, приобрела профессию фрезеровщицы. А через год все-таки поступила в ГИТИС на актерский факультет. В 1963-м защитила диплом ролью Анны Андреевны в спектакле «Ревизор».

С того же года Лариса Дмитриевна становится актрисой Тбилисского русского театра имени А.С. Грибоедова.

Среди сыгранных ролей: Анечка («Океан» А. Штей-

на), Машенька («Машенька» А. Афиногенова), Соня («Дачники» М. Горького), Аня («Снимается кино» Э. Радзинского), Нина («Маскарад» М. Лермонтова), Софья («Последние» М. Горького), Жена секретаря горкома («Когда город спит» А. Чхидзе), Марта («Полет жареной утки» Г. Горина), Гиза («Кошки-мышки» И. Эркень), Лидия («Одни, без ангелов» Л. Жуховицкого), Нина («С вечера до полудня» В. Розова), Кашкина («Прошлым летом» А. Вампилова), Жозиа-на («Малыш» Ф. Марсо), Луиза («Восемь любящих женщин» Р. Тома), мать Людочки («Russian блюз» по произведениям русских писателей)...

Народный артист Грузии **Борис Казиней**:

«В жизни каждого актера, в списке сыгранных им ролей (а у меня их более двухсот) есть те, что тебе дороже всего. И это не потому что роль главная и хорошая, и не потому что успех и рецензии! Причина в другом – в партнерстве! Долгие годы, проведенные в нашем театре, подарили мне возможность работать с блистательными актерами. И, конечно, моя встреча с Ларисой Крыловой в спектакле по пьесе Радзинского «Снимается кино» – одна из самых ярких! Я не буду делать театроведческий разбор ее работы в этом спектакле. Скажу одно – более трогательного образа, созданного Ларисой, я, пожалуй, больше не видел. И, главное, кого бы она ни играла – героинь разных возрастов, характеров,

эпох – она была всегда правдива. И эта органика Ларисы на сцене заставляет поверить любому ее сценическому персонажу. Я поздравляю Лару и благодарю свою актерскую судьбу за то, что она дала мне радость общения с этой прекрасной Актрисой!»

Актер **Валерий Харютченко**:

«Пронзительно звучал вальс Арама Хачатуряна. Мы, тогда еще молодые актеры, порхающей стайкой пронеслись по сцене, вовлекая в свой карнавальное хоровод все новых персонажей в масках. Казалось, весь мир кружится в беззаботном вихре танца. Дирижером этого бала был сам Рок, который плел свою черную интригу, распределяя роли в этой трагической истории. Истории лермонтовского «Маскарада». В спектакле были заняты великолепные актеры: Ефим Байковский в роли Арбенина, Джемал Сихарулидзе в роли Звездича, Валентина Семина в роли баронессы Штраль, роль Нины исполняла Лариса Крылова. Все ее существо излучало душевную гармонию, нежность, красоту. Даже сама мысль о ее человеческом несовершенстве казалась кощунственной, нелепой. Любовь и верность своей героини несла со сцены актриса. Казалось, грань реальности и вымысла исчезала, и лишь только живая, невинная душа представала пред нами. Обыденный мир людей, жестоких, завистливых, злобных,

Сцена из спектакля «Малыш». Н. Кутателадзе, Л. Крылова, Т. Белоусова

Сцена из спектакля «Восемь любящих женщин»

не прощает правды и чистоты. Он мстит своему антиподу, но, разрушая красоту, зло в итоге казнит самое себя. Лариса Крылова своей удивительной Ниной Арбениной внесла лепту, свой нежный луч в многогранную палитру сценических образов, как кислород необходимых человеческой душе.

Лариса Дмитриевна получила великолепную профессиональную школу в стенах знаменитого ГИТИСа, и во всех своих театральных работах она демонстрировала высокий актерский класс. Всегда выдержанная, собранная, прекрасный партнер, от которого получаешь столь необходимый творческий импульс. А еще она очаровательная женщина с удивительной улыбкой и глазами, которые, как известно, являются зеркалом души. А душа у Ларисы нежная, чуткая и красивая. И вот такую удивительную женщину, правда, уже в роли учительницы в знаменитом спектакле «Дорогая Елена Сергеевна» Л. Разумовской, мы, а особенно я в роли Володи – идеолога преступных школьников-паршивцев, провоцировали и мучили, пытаюсь добиться своих гнусных целей. Но учительница Елена Сергеевна не сдалась, не отступила от своих жизнен-

ных принципов. Уверен, что также поступила бы и сама Лариса Дмитриевна, потому что она человек высокого духа. Приветствую, поздравляю с юбилеем! Уважаю и люблю Вас, дорогая Лариса Дмитриевна!»

Режиссер, драматург, музыкант, поэт **Заур Квицинадзе**:

«К тому времени, когда я, благодаря главному режиссеру Александру Товстоногову и директору Отару Папиташвили, попал в Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова, став его литературным редактором, заслуженная артистка Грузии Лариса Дмитриевна Крылова уже была хорошо известна зрителям, как одна из ведущих актрис прославленного театра. Лара, как мы, ее друзья, привыкли называть эту красивую, статную, обладавшую неповторимым тембром голоса актрису, пришла в Грибоедовский театр в 1963 году, окончив московский ГИТИС им. Луначарского. Дебютировав в роли Анечки в пьесе Штейна «Океан», она прочно закрепилась в труппе театра и успешно работала с режиссерами театра над самым разнообразным репертуаром. Лара выходила на сцену с такими актерами, как популярные Евгений и Владимир Самойло-

вы, Юрий Суханов, Мавр Пясецкий, Наталья Бурмистрова и многими другими. Она работала с такими серьезными режиссерами, как А. Гинзбург, М. Гершт, П. Фоменко, А. Товстоногов, Г. Жордания К. Сурмава, и многими другими. Из ее ролей я бы отметил Нину в «Маскараде» по М. Лермонтову, Бернарду в спектакле «Дом Бернарды Альба» Г. Лорки, Софью в «Последних» М. Горького, Машеньку в спектакле «Машенька» А. Афиногенова, роли в спектаклях «Снимается кино» Э. Радзинского и «Дачники» Горького...

Лара жила буквально в пяти минутах ходьбы от театра. Надо было только перейти проспект Руставели на другую сторону, и ты оказывался у нее дома. Многие грибоедовцы этим пользовались и часто посещали гостеприимную квартиру Ларочки. Часто бывал там и я, а иногда, отобрав Лару у ее закадычной подруги актрисы Валентины Воиновой, отправлялся с ней на прогулку, чем был очень горд, поскольку был влюблен в Ларису Дмитриевну. Весь театр был очарован ее неповторимым голосом, и когда в кулуарах слышалось ее знаменитое «Прелестно!», все были в восхищении.

Между прочим, голос Лары «сыграл» в детском спектакле

«Подарок Буратино», поставленном по моей пьесе на Грибоедовской сцене Леонидом Пярном. Крылова озвучила волшебное зеркало, к которому обращается Василиса Премудрая по ходу представления.

Ларису Крылову любили и ценили все сотрудники театра. А я с удовольствием вспоминаю нашу веселую жизнь на гастролях, где спектакли с участием этой замечательной, тонкой актрисы неизменно пользовались успехом.

Переехав в Москву, Лариса Дмитриевна не рассталась с театром. Она успешно работала в Детской школе искусств в Медведково, даря свои знания школьникам, мечтающим о настоящей театральной профессии. Будучи постановщиком спектаклей в ДШИ, Лариса не раз и сама выходила на сцену, чтобы исполнить ту или иную роль – вместе с воспитанниками. И многие выпускники этой замечательной школы решили навсегда связать свою жизнь с театром. За это они благодарны нашей Ларочке – заслуженной артистке Грузии Ларисе Дмитриевне Крыловой».

И под занавес – слово самой Ларисе Крыловой:

«Уже много лет я не работаю в театре. Но на сцену тянет. Периодически просматриваю альбом с фотографиями ролей из спектаклей. Живу воспоминаниями: вспоминаю спектакли, актеров, с которыми играла, режиссеров, с которыми работала. Пришла я в театр им. А.С. Грибоедова сразу после окон-

чания ГИТИСа им. А. Луначарского. Театр тогда был известен на весь Советский Союз. Актерская труппа очень интересная. И сразу для дебюта получила роль Анечки в пьесе Штейна «Океан». Но не это главное. В тот период руководство театра во главе с директором П.Л. Мургулия приглашало из разных городов Союза актеров на какую-нибудь роль в идущий спектакль. Так у меня состоялась встреча с народным артистом РСФСР Евгением Самойловым. Мы с ним вместе играли в спектакле «Океан». Это незабываемо! Я простаивала в кулисах, слушая его необыкновенный голос. И так пять вечеров! Я их все помню до сих пор. А потом была встреча с Владимиром Самойловым в спектакле «Дачники» по пьесе М. Горького. Он приехал к нам из г. Горького всего на один спектакль. Но как интересно было за ним наблюдать! Игра его была просто виртуозная. Для меня все это стало настоящей школой. Но вот театр возглавил режиссер А.О. Гинзбург. Я с ним работала над спектаклем «Снимается кино» по пьесе Радзинского. Это было так интересно, так необычно, так увлекательно и незабываемо. И когда мы сыграли премьеру, я дома плакала. Плакала от того, что закончились наши ежедневные встречи, репетиции. Запомнились репетиции с режиссером, народным артистом России М.А. Герштом. Я с ним работала над двумя спектаклями подряд. Это умнейший, эру-

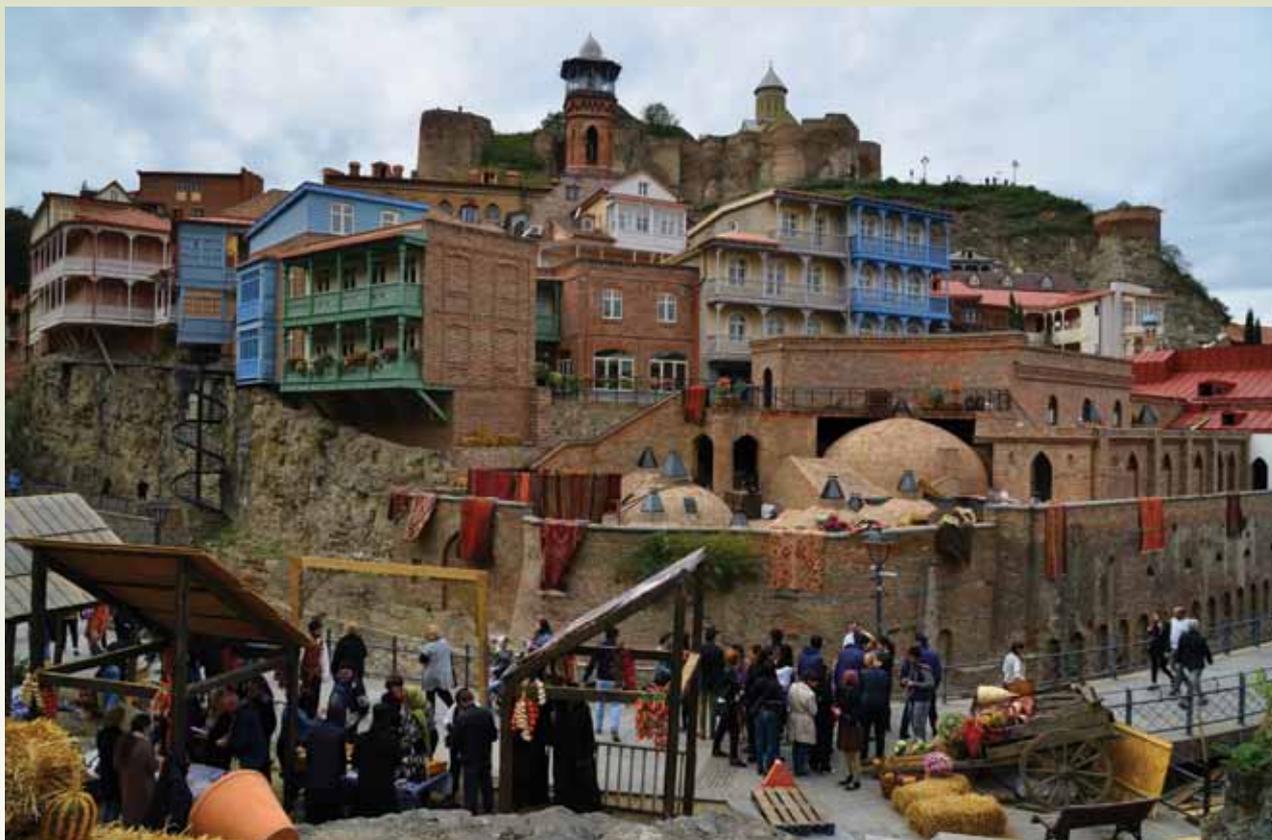

«Снимается кино». Л. Крылова, Б. Казинец

дированный человек. А как он рассказывал! Мы боялись хоть на минуту покинуть репетиционный зал, чтобы не пропустить ни одного слова. Мне повезло встретиться в работе и с П.Н. Фоменко. Это удача и счастье для любого актера. Я вспоминаю театр того периода, когда его возглавлял талантливый режиссер А.Г. Товстоногов. Мне тоже довелось встретиться с ним в творческом процессе. Мы работали вместе над спектаклем «Последние» по пьесе М. Горького. Театр в этот период очень преобразился, был создан очень интересный репертуар, каждый спектакль – событие! Это был такой подъем театра! Хочу несколько слов сказать о режиссере К. Сурмава. С первых моих шагов на сцене и до последнего Котэ Сурмава периодически работал с нами в театре. Что подкупало в нем? Его беззаветная любовь к театру им. А.С. Грибоедова. Он жил им и любил его, по-моему, до конца своих дней. Редко встретишь таких преданных людей, несмотря на все жизненные перипетии. Сорок лет отдано театру им. А.С. Грибоедова. Я счастливая. Я встретила очень много интересных людей – режиссеров, актеров. Оглядываясь назад, скажу – я счастливая! Есть что вспоминать! Спасибо всем!».

Сцена из спектакля «Полет жареной утки». Ю. Суханов, М. Иоффе, Л. Крылова

Празднование Тбилисоба в Абанотубани

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

К ВСЕМИРНОМУ ДНЮ ЭКСКУРСОВОДА

■ **Медея АМИРХАНОВА**

Мои туристы напоминают мне скоростные поезда. Они замедляются на миг, чтобы дать себе передышку. Рассказывают о своей жизни, работе, делах, собирают мозаику впечатлений о Грузии и двигаются дальше. Обновленные и чуточку более счастливые, чем были до этого. У меня же остаются непридуманные истории.

РЕЛАКС ОТ ТБИЛИСИ

Борис строит метро в Тель-Авиве. У него синдром менеджера: даже на отдыхе все мысли о работе. Без умолку говорит, какой это грандиозный проект, как приходится ругаться с подрядчиками, рабочими-китайцами. Большой начальник. Но есть и поглавнее него. Тот трудоголик – психопат, и всех вокруг сделал такими. «Раньше я был тихий еврейский мальчик со скрипкой», – говорит Борис. Но шеф и жена сформировали из него новую личность. И личность эта молчать больше не будет.

Тридцать лет молчал. И что хорошего. Вот он только пришел с работы, жена тут же: «Мусор вынеси», «в стиралку вещи закинь», «на диване накидку не мни». Активная, деятельная, командир в юбке, тоже, кстати, строитель. В молодости хотела хирургом стать, к счастью, отговорил. Даже на родильном столе с подрядчиками по телефону разбиралась. Это к слову, для понимания характера супружницы. Хотя он не жалуется. «Така любовь». Со скорпионьими укусами (знак зодиака благоверной).

Словом, стресса в жизни Бориса достаточно. На одном из пятничных ужинов семья решила, что надо ему от всех отдохнуть. Неделя в Грузии или в Китае. Это теперь в Израиле самые популярные направления. Однажды он сюда уже приезжал, в студенчестве. Помнит грузинскую свадьбу – реки вина и горы мяса. Грузинского друга Зорико (Зурико – **М.А.**), след которого затерялся.

Конечно, экскурсии по плану не получилось. Но я благодарна тем туристам, которые сбивают меня с толку. Он познакомился с пекарем, парикмахером, официанткой духана, продавщицей мегрельского сыра – «косички». Страстно просился на Куру, чтобы вдохнуть ее воздух.

Время от времени заговаривал со мной на иврите, но, спохватившись, переходил на русский. Некоторые слова, впрочем, я запомнила. «Лехим» – на здоровье, «нифла» – чудесно. (Надеюсь, правильно воспроизвожу на слух). Пока катер на Куре качнулся со старта, пришли еще пассажиры – четверо парней, шумные, веселые. Борис посмотрел на них, и его лицо засветилось. Вопрос к ним

на иврите – откуда? И ответ, который не нуждается в переводе – «Израэл!!!».

И так получается, что ты рассказываешь о своей стране, а взамен узнаешь о другой. И тоже ею очаровываешься. Так всегда происходит, когда встречаешь людей, влюбленных в свою землю, народ, предков. Теперь мне хочется прочесть «Иудейскую войну» Фейхтвангера и посмотреть фильм «Команда». Борис много рассказывал про то, как в Израиле добывают пресную воду из морской, какая это удивительная, таинственная страна.

Но под вечер стал молчаливым, только тихо улыбался и слушал. «Теперь все хорошо, – вдруг признался он мне. – Я спокоен, как грузинские горы».

Тбилиси его замедлил и успокоил.

РОЗА ИЗ РОДА ТАНГИЕВЫХ

Сначала я познакомилась с Магомедом, сыном Розы. Моя экскурсия предназначалась в подарок матери и сестре, которым он решил показать Грузию. Магомед из Магаса (Ингушетия). Симпатичный, ширококостный, работает в нефтегазовой компании. Сестра Милана – с голубыми миндалевидными глазами, которые достались от грузинской бабушки. Но при встрече мое внимание привлекает в первую очередь Роза, их мать. Волосы убраны светлым платком, круглое спокойное лицо, которое ничуть не портит сетка морщин. Роза – учительница, преподает английский, немецкий, французский. Совсем недавно она написала рассказ «Шаль», который взял первую премию. Рассказ художественно-документальный, основан на реальных событиях. Бабушка Розы Яха была дочерью предводителя торговых обозов, направившихся в Грузию. Мать свою, Зуну, Роза потеряла в четырехлетнем возрасте.

Роза говорит, что это первая проба пера. Написала за ночь. Дом пустовал, мешать никому. Муж, недавно прооперированный, спал в своей комнате. Сын в отъезде. Роза обложила себя мягкими игрушками и наточила много карандашей. С карандашами работать удобнее. И

полился сам собой поток воспоминаний. В молчании – вдохновение. Когда в комнату заглянула дочка Милана, Роза молча бросила в нее мягкую игрушку. Не отвлекай. Вот для чего они предназначались.

Пригласили потом Розу на награждение. Говорили про композицию, кульминацию, и другие составляющие рассказа. Оказывается, она написала «Шаль» по законам жанра, сама не зная того. Писать сердцем – это и есть самый правильный путь.

Ингуши знают свою родословную в семи поколениях. Роза из знатного рода Тангиевых, очень гордится своей фамилией. Дети – Шадиевы.

От моих новых друзей я в тот день много узнала об ингушских обычаях, укладе жизни. Ингуши живут в больших дворах. Дом строится с расчетом, что придется принимать до тысячи гостей. Такие же масштабные свадьбы. В воскресенье Роза должна успеть с визитом к 5-6 родственникам. Родня большая, все время что-то происходит: свадьбы, дни рождения и др. «Подарков не напасешься», – говорю. Мои друзья смеются: «Так и они всегда к нам с деньгами, подарками, помощью и вниманием».

В Ингушетии нет детдомов, домов престарелых – это стыд при таком количестве родствен-

ников, этого никто не допустит.

После свадьбы новоиспеченный зять не видится с тестем и тещей. Интересуюсь: «До каких пор?». «Больше никогда», – с ясной улыбкой отвечает Магомед.

Жестко. Но у ингушей есть объяснение: чем меньше родители жены вмешиваются в жизнь пары, тем крепче семья.

Мужняя жена покрывает голову платком – так она отныне не будет появляться на людях. Милана без платка, значит, не замужем. Да и ингушские мужчины скромны: не носят майки, шорты. Не пристало так вайнаху ходить. Магомед не здоровается за руку с девушками, хоть и работает в американской компании, и внешне очень современный. Не принято.

Во всем, что рассказывают мои новые друзья, в их неспешной походке, осанке чувствуются достоинство, гордость, мудрость. Проникаешься уважением, что где-то в современном мире живут по законам чести. Держат слово. Я напрочь забываю о времени, не стараюсь их подгонять. Напротив, пусть рассказывают о себе больше.

Магомед объясняет, что ингушский язык очень емкий. Один звук может заменить слово. Три звука – и сказал целое предложение. В ингушском нет формы «вы», только «ты». Нет

На Сионской улице

Зураб Шеварднадзе на Празднике цветов

слов – просьб. Только повеления. В языке – горский характер!

У грузин – мчади, у ингушей – чурек из кукурузной муки. Так за разговором доходим до ущелья Легвтахеви. Музыканты с доли-гармони, нашедшие приют в тени, спрашивают: «Что сыграть для дорогих гостей?». «Ачарули!» – вдруг азартно бросает Магомед. Через минуту они с сестрой уже отплясывают в каньоне. И никому еще не шел так танец у Цавкисисцкали, как детям гор...

Обожаю, когда на мои экскурсии приходят дети. Их вопросы и комментарии греют душу и поднимают настроение на весь день. Если они бегут впереди родителей, и стараются идти со мной в ногу, значит, я все делаю правильно, и они меня приняли. Это большая честь для любого гида.

Рассказываю про смотрины невест в банях. Про Хануму с моно-бровью, и стайку старух с шамкающими ртами, которые оценивали девушку на выданье.
– Она должна была пред-

стать перед ними нагой.

– Какой? – переспрашивает дочка туристов.

Я спохватываюсь, говорю понятнее:

– Голой.

– А-а-а. (И тут же, с интересом) – Голой до каких пор?

– Совсем голой.

– Совсем-совсем?! – глаза ее расширяются.

– Без трусов! – лаконично отрезает папа девочки.

– Даже без трусо-о-ов?! (ребенок в нокауте). Ой! (закрывает лицо ладонями и жмурится).

– Хорошо еще, что женихи их не видели!!!!
Святая наивность!

Показываю место казни Або Тбилели:

– Здесь ему отрубили голову.

– И этот умер, – что-то подсчитывает про себя девочка лет семи.

Позже идем по Метехскому мосту, рассказываю про сто тысяч мучеников и как их казнили.

– Опять все умерли!! – с отчаянием констатирует ребенок.

Отделяется от родителей, у нее ко мне дело.

– У тебя есть веселые исто-

рии про Тбилиси?

– Да, только чуть позже.

– Давай ты только веселые истории будешь рассказывать? Очень не люблю, когда кто-то умирает! (поеживаясь).

– Понимаешь, малыш, в жизни все перемешано: и веселое, и грустное. На Тбилиси столько раз нападали, а он все равно такой красивый. Значит, все хорошо закончилось.

– Это да, у вас тут красотища! – соглашается маленькая собеседница.

Многие туристы знают легенду про Горгасали и серные источники, и нет нужды ее пересказывать. В этот раз собралась группа из тех, кто уже посещал Грузию. Пропускаем памятник соколу, идем дальше. Ко мне подходит мальчик из группы, лет пяти.

– Можно тебя на минутку?

– Конечно.

– Ты можешь мне рассказать про этого фазана и сокола? Меня не взяли в прошлую поездку (опущенные уголки рта).

Беру его за руку, поворачиваюсь к группе и говорю, что у нас есть очень важное дело:

рассказать маленькому мальчику про Горгасали и его сокола. И пусть весь мир подождет!

Девочка лет шести. Послушав легенду про Нарикала (там про Джафар-бея и его пленницу), некоторое время идет в задумчивости. Потом поворачивается ко мне:

– Жалко мне ее, знаешь. Мужа убили, ребенка убили. В конце ее саму тоже убили...

Вдруг оживляется, и с возмущением:

– Чего она ждала, пока этот Джафар ее убьет?! Взяла бы и сама в него кинжал вонзила. (Еще больше входит в роль, подпрыгивает) Накинулась бы вот так, р-раз!

Перерыв на кофе-брейк. Ко мне подкрадывается девочка лет восьми.

– Так! Давай поговорим, – предлагает она.

Оказывается, ребенок запомнил все фразеологизмы, которыми я сыпала во время экскурсии, и требует объяснений.

– Что такое «испустить дух»?

– Умереть, значит.

– Что такое «выпустить пар»?

– Представь, что ты на кого-то злишься, и все скажешь, что чувствуешь, не будешь молчать. Выпустить эмоции, значит.

– И заору, если захочу?

– Ну да.

– Что такое не «лезть за словом в карман»? (попутно выворачивает карман куртки)

– Отвечать быстро и при этом интересно.

– А я лезу за словом в карман?

– Не-е. Ты точно не лезешь.

– Ха. Ты тоже не лезешь.

ЛЕНОЧКА

Сначала пришел муж. И, предупреждая мой вопрос, – где Лена? – спросил: «Мы можем сами пойти к ней?». Я кивнула, и мы стали спускаться в подземку. Сергей старался быстро рассказать мне предысторию. «Десять дней назад моей жене сделали операцию на позвоночнике. Так получилось, необходимость. Собирались в Грузию полгода, и тут такое. Врач сказал: один черт – може-

те сидеть и ждать, пока пройдет реабилитационный период. Или же жить как раньше, и делать то, что хотели. Все равно никто не знает, когда именно она сможет ходить нормально, и восстановится ли полностью. Только прошу вас, сделайте вид, что ничего не знаете. Но сами оставливайтесь для отдыха».

Этот муж сразу вырос в моих глазах на целую голову. Лет, наверное, 60 с хвостиком. Спортивного сложения и приятной наружности, из тех, что легко нравятся женщинам. Заботливый – похвалила я его про себя.

Лена сидела на тротуаре, на поролоновом коврике. Маленькая, загорелая, с короткой

стрижкой. Издалека нам улыбалась. И когда я подошла, раскрыла мне руки для объятий. С первой же минуты мне захотелось называть ее Леночкой. Она искренне приглашала жестом на свой коврик, и я, махнув рукой на глаженое утром платье, примостилась рядом.

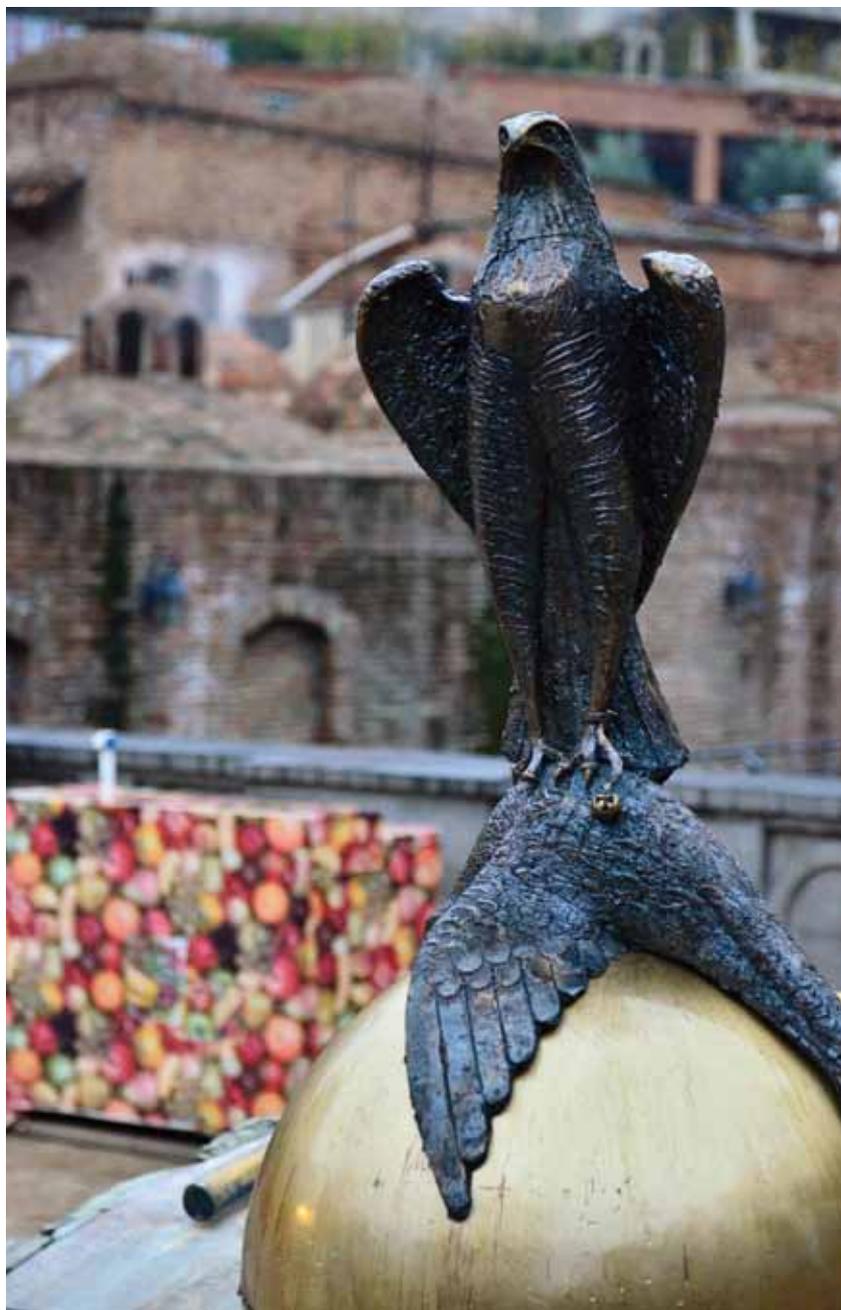
– Как только вам надоест передвигаться по-черепашьи, вместе со мной, можете бросить эту затею, – улыбнулась она.

– Мне не надоест. Придется вам, Леночка, пройти весь маршрут.

– Я готова, – она потянулась вверх.

Это такая свобода – сидеть

«Фазан и сокол»

На праздновании Дня города

на коврике посреди суматошного города. Мы сидели на балконе дворца Дареджан, подобрав ноги. Я рассказывала про купцов, караваны, Ага-Мохаммед хана, и впервые смотрела на Рике с такого ракурса: в окошки между балясинами. Сидели

Историческая часть города

на ступеньках часовни Або Тбилели, у реки, около бань... Как только Лена уставала, бросала коврик на землю и садилась, и мы за ней. Я начала искать взглядом все поверхности, куда можно посадить Леночку. Ее упорство вызывало уважение. Два укола с утра, чтобы снять спазмы в ноге, никак не повлияли на решение сходить на экскурсию. Хм, я плохо ее знала.

– Вчера мы съездили в Казбеги, – рассказывала Леночка во время привала. – Серпантин великолепный, я под сильным впечатлением.

– Водитель местный или за рулем был Сергей? – спрашиваю.

– В нашей семье – я водитель, – смеется Леночка. – И полеще ваших лихачу. Кстати, вы водите?

– Нет, это не мое.

– Напрасно. Лишаете себя колоссального удовольствия, это такой кураж. Не знаю, смогу ли я нормально ходить, но на трассе – я зверь. Мы еще успели в Тушети съездить, четыре дня там провели. Попали на местный праздник языческого происхождения.

Я пыталась переварить информацию: операция на позво-

ночнике полторы недели назад и дорога в Тушети. Не получалось.

– Тоже за рулем? – вероятно, глаза мои стали округляться. Леночка засмеялась.

– Нет, не настолько сумасшедшая. Там нас возил местный. Но слухи об опасности этой дороги сильно преувеличены.

Маленькая, отважная Леночка. У нее были сложности со здоровьем в данный момент времени (и, возможно, в необозримом будущем), но никак не с уверенностью в себе и оптимизмом. Нужно обязательно помочь ей исполнить мечту – посмотреть Тбилиси, и ради этого можно было забыть про время. Они приехали из Иерусалима, вечного города в другой древний и потрясающий город – Тбилиси, проделали такой путь, и теперь оставалось совсем немного.

Мимо прошел Леван, знакомый гид, слегка удивился, увидев нас, сидящими на траве:

– Вах, у тебя новый стиль проведения экскурсий?!

– Ага, – улыбнулась ему.

Иногда мечты исполняются черепашими шагами...

Когда устали ножки

МУЧИТЕЛЬНИЦА

На экскурсию туристка-фотохудожница пришла вместе с маленьким сыном.

– 2-2,5 часа он точно выдержит, – заверила меня. – За это время я успею поснимать.

Я решила познакомиться с главным действующим лицом (если на экскурсии есть дети, даже не сомневайтесь, кто задаст тон):

– И где же наш мальчик?

Хотя, конечно, видела где: из-за грифона торчала неумело замаскированная попа в желтых шортиках, и часть сандалика.

– Вот он! – весело откликнулся четырехлетний, крепко сбитый малыш, с паровозом в руке. И сразу перешел к жесткому ультиматуму, двинув паровозик в мою икру:

– У тебя один час!

– Вот как? Хорошо, я постараюсь.

Мы с его мамой переглянулись. Естественно, мы собирались его обмануть, запутать во времени. Мало ли какие уловки используют взрослые, чтобы решить свои задачи. То подсунули ему серого кота с ошейником из

На проспекте Давида Агмашенебели

вitraжного дома. (Кот пошел на «ура».) То отвлекли мороженым (его хватило на три дома). То дали телефон, чтобы мальчик мог вести персональную видеосъемку (камера, как пьяная, скакала с одного предмета на другой, многое было снято на бегу, как будто за оператором гнались). С каждым следующим домом я приобретала в глазах ребенка статус мучительницы. Сначала он закрывал уши руками («не, не, не!»). Потом озвучил мне свое гжучее желание:

– Я сейчас начну тебя щипать!

– Давай, – разрешила я и подставила ногу. Маленькая лапка со всей готовностью вцепилась мне в икру. Очень трудно сохранять невозмутимость и продолжать рассказ, когда тебя самозабвенно щипают. Меня начал разбирать смех. Малыш-карателя тоже.

– Больно? – спрашивал он снизу. – Злишься?

– Совсем нет, – дразнила я его.

На щипках дело двинулось. Нам удалось отснять еще несколько домов. Периодически поглядывала на икры – синяков, слава Богу, не было. (А будь они, кто поверит, что это издержки работы экскурсоводом?). После дома Давида Сараджишви-

ли малыш повернулся к нам и по-взрослому культурно поставил точку:

– На этом наша экскурсия заканчивается!

Для верности повторил еще раз:

– На этом наша экскурсия заканчивается!

Время ультиматума давно истекло: мы гуляли два часа. Но мы еще имели наглость потащить его в дом Калантарова. «Еще один и все!». Он фыркал и корчил мне самые сердитые рожицы. Опять предупредительно тянул руку к моей икре.

Наконец мы вышли на улицу, и я решила обрадовать малыша.

– Теперь наша экскурсия действительно заканчивается. И ты сможешь пойти с мамой в парк аттракционов.

Малыш вдруг удивил. Подбежал и обнял меня изо всех сил. «Возьми меня на ручки», – попросил он. (Что, что, что?! В маленьком карателе проснулась нежность?). Я подняла его вверх, и он, обвив меня ручками за шею, продолжил:

– Я бы еще погулял с тобой. Но я очень устал. Мне нужно отдохнуть.

Победа, но нельзя было по-давать и вида.

Крепость Нарикала

НАРИКАЛА ЗАИНТЕРЕСОВАЛА ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

Главная цитадель Тбилиси – крепость Нарикала – внесена в европейский список памятников культурного наследия, находящихся под угрозой исчезновения.

Первое, что видят туристы, приезжая в столицу Грузии, – эту крепость. Нарикала неразрывно связана с историей города. Первое письменное упоминание о крепости датируется IV веком. Строение не раз разрушали во время войн, а затем заново отстраивали. Крепость воспринимают как отражение древнегрузинских традиций в архитектуре. Однако это не совсем так. Крепость, что дошла до наших дней, в XVII веке построил грузинский царь Ростом.

Сильное землетрясение и взрыв порохового склада в одной из башен в XIX веке серьез-

но повредили стены сооружения, разъединили фрагменты. Реставрация была частичной, поэтому до сих пор крепости угрожает разрушение. В 2020 году Нарикалу внесли в список Europa Nostra объектов культурного наследия, а точнее, в «Программу 7 памятников, находящихся под особой угрозой». Наряду с грузинской крепостью вошли объекты из Австрии, Болгарии, Франции и других стран.

Манана Вардзелашвили, руководитель отдела Юнеско и интернациональных отношений Национального агентства охраны культурного наследия Грузии:

– Крепость Нарикала – одна из древнейших крепостей в Тбилиси и один из самых ценных памятников культурного наследия Грузии. И хотя историческое

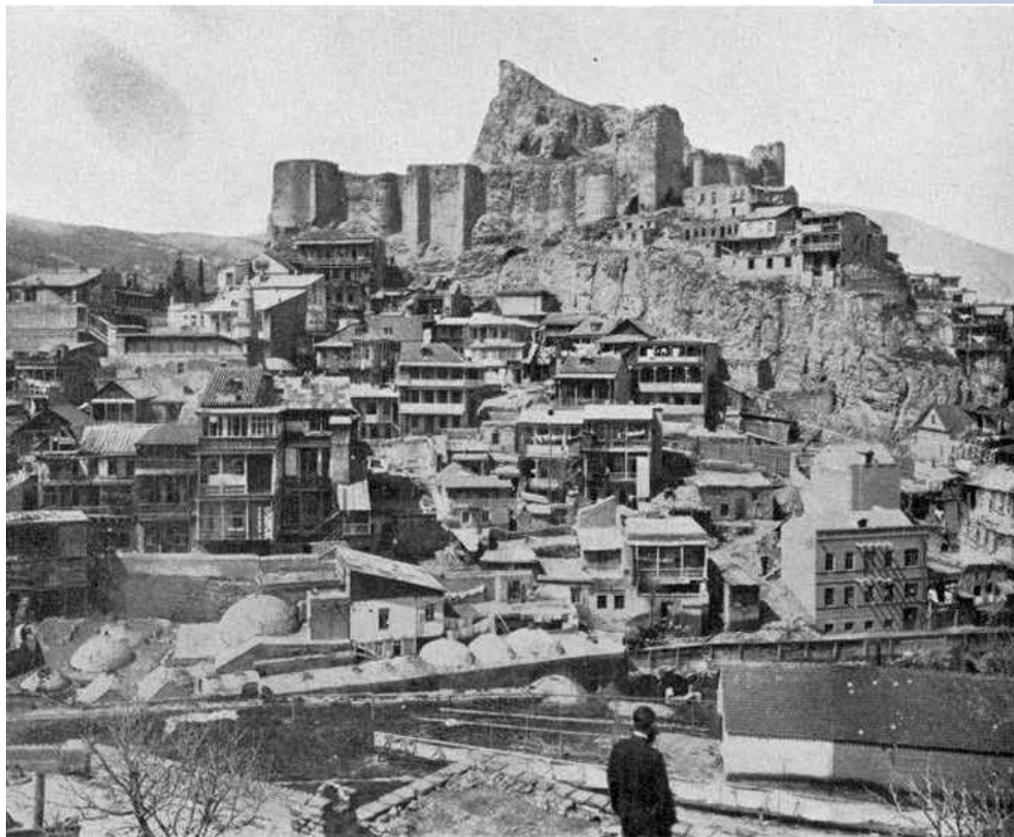
упоминание этой крепости фиксируется с IV века, археологические раскопки доказывают еще более раннее существование крепости. Конечно, не в таком масштабе, в каком она предстает сейчас. Но факт, что люди там жили, там была цитадель, это было укрепленное место по античным традициям устройства жилья и быта. Крепость всегда была одним из важных пунктов торгового «Шелкового пути». Сегодня это один из самых интересных пунктов туристических походов. И этот огромный интерес со стороны гостей Грузии привлек внимание к проблемам, которые связаны с целостностью памятника. К сожалению, геология в этом районе тбилисского ландшафта не совсем благополучная, поэтому возникла необходимость консо-

лидировать научные и финансовые ресурсы на спасение этого памятника. Программа Europa Nostra, где в шорт-лист включен памятник Нарикала, очень интересна, она сфокусирована на усиление голоса паневропейского сообщества, чтобы стимулировать государство и интернациональное сообщество на объединение ресурсов: как интеллектуальных, так и материальных для спасения памятников, которым угрожает исчезновение и которые очень важны в контексте европейской культуры. Конечно же, это огромный стимул. В первую очередь, для правительства страны и на локальном уровне для Тбилисской мэрии. Участие в программе также важно для значимости и узнаваемости этого памятника на европейском уровне. К тому же программа помогает установить проблемы и разрабатывает рекомендации, как лучше произвести те конкретные работы, которые спасут памятник.

Участие в программе показывает, что для Европы важна, интересна и значима Нарикала – грузинская цитадель. Площадь у подножия крепости – исторический центр, именно здесь зародился Тбилиси. Обычно тут много туристов. Но во времена пандемии пустынно и непривычно безлюдно. Однако можно встретить юных художников, на пленэре изучающих историю города, в котором живут.

Гульнара Утева-Натрадзе, руководитель художественной студии:

– Мы с учениками ходим по Тбилиси: изучаем город, рисуем, а потом выставляем работы студийцев. Сегодня у нас тема пленэра – Нарикала. Конечно, они знают историю, знают крепость. И мы еще раз обратили внимание, что город зародился тут. Ведь древняя история Тбилиси берет истоки именно здесь. Кстати, когда мы ходим по району Солولاки, находим остатки крепостной стены. И я объясняю детям, что, когда город рос, крепость расширяла свои границы. Например, сюда приходили караваны из Индии, сгружали свой товар: золото, ковры, пряности. В черте города строили караван-сарай. Можно сказать, что наш пленэр – это

Крепость Нарикала середины XX в.

в определенном смысле озерелье истории. И каждый раз, в каждую новую прогулку мы нанизываем новую бусинку со знаниями.

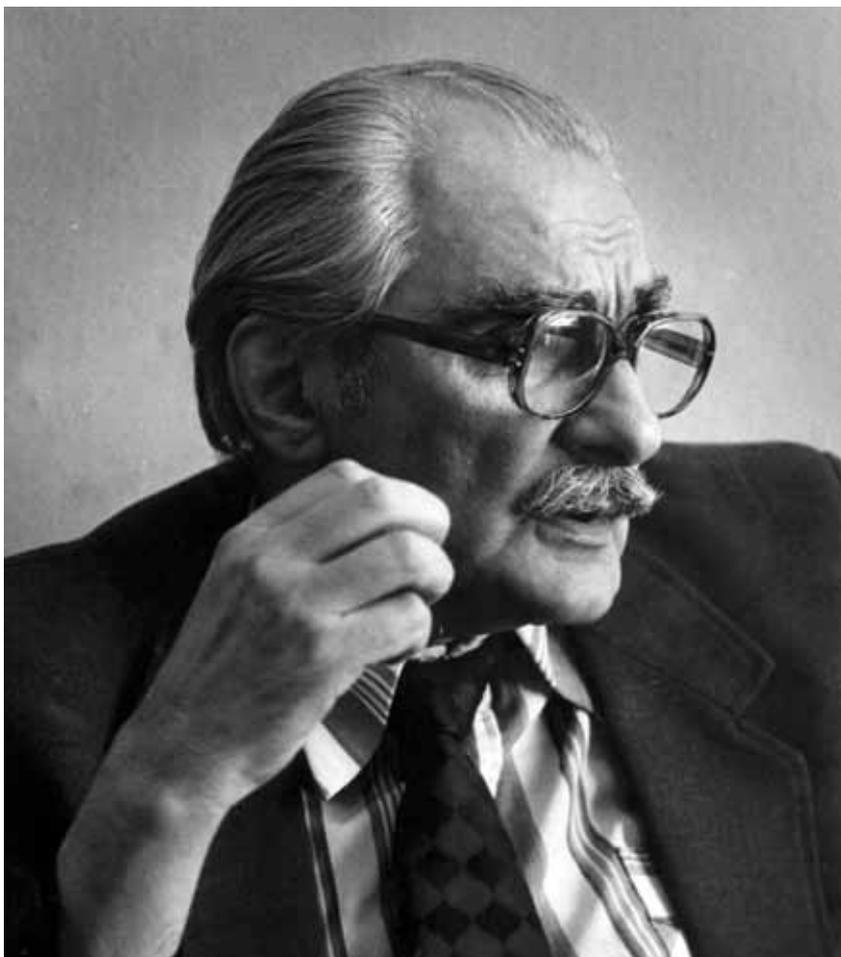
Нарикала – не единственный грузинский памятник, на который обратило внимание европейское сообщество. В подобный список объектов, требующих внимания, в 2018 году внесен огромный монастырский комплекс VI века Давид-Гареджи.

Манана Вардзелашвили:

– В «Программу 7 памятников...» в 2018 году одна из некоммерческих организаций представила памятник Давида Гареджи. Национальное агентство охраны культурного наследия Грузии способствовало тогда этой аппликации, так как мы уже хорошо знали проблемы, главным образом, геологические, связанные с наскальными памятниками, которые там сохранились до наших дней. И мы вместе с государством консолидировали огромные ресурсы для улучшения состояния геологической целостности всех этих памятников. У нас хорошие партнерские отношения с итальянскими коллегами, которые являются самыми лучшими и

прогрессивными экспертами по таким вопросам. С помощью экспертов ЮНЕСКО мы проводим мониторинг, разрабатываем проекты для укрепления скал. Это очень сложный вопрос, потому что мы должны понять суть скалы: как она дышит, трансформируется. Необходим комплексный подход, в который войдут исследования разных дисциплин. И мы поэтапно, шаг за шагом, делаем укрепления скальных конструкций. Программа рассчитана, наверное, на всю нашу жизнь, потому что сам комплекс Давид Гареджи – огромная территория, где более двадцати трех только идентифицированных монастырских скальных сооружений, и где каждая скала должна быть укреплена по отдельности. Это действительно огромная программа и масштабная работа.

Во имя спасения древних грузинских памятников работы историкам и реставраторам хватит на долгие годы. И тогда у будущих поколений будет возможность ощутить дух богатой истории. А у поэтов, музыкантов и художников – творить, вдохновляясь грузинской культурой.

Михаил Туманишвили. Фото Ю. Мечитова

«МИХАИЛ ТУМАНИШВИЛИ БЫЛ МУДРЫМ ХУДОЖНИКОМ...»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Грузия и весь театральный мир отмечают столетие со дня рождения выдающегося режиссера народного артиста СССР Михаила Ивановича Туманишвили. Мастера с нами нет уже четверть века, но он продолжает жить – в учениках, продолжателях его дела, теоретических трудах, памяти. Наконец, в спектаклях – на сегодняшний день на сцене созданного им Театра киноактера продолжают играть два его спектакля: «Наш городок» Т. Уайлдера и «Свины Бакулы» Д. Клдиашвили.

РЕМЕСЛО И БОЖЕСТВЕННАЯ СИЛА ВДОХНОВЕНИЯ

Всю свою сознательную жизнь Туманишвили ставил спектакли и глубоко погружался в тайны режиссерской профессии. Анализировал, размышлял, строил систему, опираясь на свой опыт и познания коллег – современников и предшественников. Причем не только Станиславского. Как говорил Михаил Иванович Туманишвили, он старался прислушиваться к советам Константина Сер-

геевича, но не только. «Ведь в последние годы столько разных театров всего мира открыли нам свои секреты: Брехт, Дюллен, Барро, Вилар, Гротовский, Планшон, Стрелер, Брук... Чего мы только не узнали! Да, не только к советам Станиславского! Я копаюсь в материалах Мейерхольда, Вахтангова! А стараюсь делать по-своему. Это только кому-то (иногда и мне самому) кажется, что я работаю по методу Станиславского. На самом деле это не совсем так. Даже совсем не так... мы должны изучать правила нашего ремесла. Их обязательно нужно знать... А потом можно и нарушать», – говорил мастер.

К счастью, Михаил Иванович оставил потомкам свои научные изыскания. Сегодня на столе каждого профессионала театра лежит катехизис сценического искусства – «Введение в режиссуру» М. Туманишвили. Я не режиссер, но эта книга лежит и на моем столе – подарок верной ученицы Михаила Ивановича, художественного руководителя международного фестиваля искусств «Gift» его имени Кети Долидзе. С напутствием: «Желаю, чтоб на Вашем столе всегда была эта книга». Кети знает, что говорит – ведь «Введение в режиссуру», изданная в 2005 году, посвящена законам театрального творчества. Так определил ее суть сам автор, не скрывая при этом опасений, как бы кто-нибудь не решил ставить спектакли по сухим схемам. Тем не менее в каждом деле существуют свои законы, и талантливые люди обязаны их твердо знать, чтобы «сочиняя, не думать о них, творить по ним, как будто не ведая никаких правил». «Великое счастье, – говорит режиссер, – импровизируя, создавать, будто не ведая, куда идешь и как идешь, подчиняясь одной лишь божественной силе вдохновения».

«IN TIRANOS!»

Об этом режиссер написал в своей книге «Режиссер уходит из театра». Самое сильное впечатление детства – знаменитые «Разбойники» Шиллера на руставелевской сцене в постановке Сандро Ахметели.

«Ин тиранос!» – так это на-

зывалось на грузинской сцене. Сила впечатления была настолько большой, что все остальное отодвинулось на второй план, – вспоминает режиссер. – Умные, смелые, красивые, вдохновенные люди, вывороченные бурей деревья, замки, таверны, стремительность событий и самое главное – борьба! Борьба за справедливость, борьба за правду! Несколько недель я не мог прийти в себя, не мог найти себе места. Я играл в разбойников, – не в тех разбойников, в которых все играют в детстве, но в тех, которых увидел в театре. Деревья нашего двора легко превращались в Богемский лес, а подвал дома – в таверну, где собирались студенты-вольнодумцы, готовившие восстание. Все стены нашего дома были разрисованы мизансценами из спектакля. Жильцы стирали мои художества, но на другой день они возникали вновь.

С тех пор прошло много лет. Вспоминая «Ин тиранос!», я всегда пытаюсь понять, почему спектакль вызывал такую сильную реакцию в зрительном зале. Это был поистине революционный театр, зовущий, требующий, ищущий, — мы видели именно такой театр. Мы навсегда запомнили чувство, вызываемое таким искусством. В определенном смысле можно сказать: мы как зрители таким театром были воспитаны.

Я ненавидел Франца Моора, которого великолепно играл Акакий Васадзе, и был страстно влюблен в Карла – Акакия Хорава. Меня потрясала сцена студенческой клятвы: герои клялись в верности делу революции, они хватали табуреты, поднимали вверх и все вместе крутили их в воздухе. А на центральном столе, широко расставив ноги и взметнув вверх руки, стоял Карл, натянутый как струна, переполненный силой, молодостью, вдохновением. И все вместе они пели. Это было прекрасно! Во всяком случае, для меня в мои тринадцать лет».

ВОЙНА

Страшным, но бесценным опытом стала для будущего режиссера война. С 1939 года Михаил Туманишвили служил в Красной Армии, в Украине,

в городе Шепетовка. Окончил школу младших командиров связи. Участвовал в войне против фашизма. Был в плену, дважды бежал. В 1944 году был демобилизован... Позднее были изданы его дневники. Приведу всего лишь одну запись, датированную 1 января 1942 года:

«Прошел 1941 год, год мучений и испытаний. В эти ужасные крещенские морозы нас приютила очень милая, добрая пожилая женщина. Мы ей очень обязаны. Ведь на улице такой мороз, что дышать невозможно. Ветер воет по крышам землянок, заносит дороги, строения и дворы снегом. На мне майка-безрукавка, рубаха непонятного от древности цвета, куртка, летнее военное галифе и тряпка, выполняющая роль шарфа. Вот и весь костюм. Мои товарищи одеты примерно так же.

Ночь. Коптит передо мной «шахтерка» – лампа... 1942 год. Где-то далеко, далеко за высокими хребтами, в комнате моего родного дома, старинные стенные часы пробили двенадцать часов, возвещая миру о приходе Нового года. А здесь, в селе Евдокиевке, недалеко от полуразрушенной гидростанции, советский летчик сбросил бомбы, оглашая занесенное снегом пространство звуками надежды. Двенадцать часов. С взрывами здесь в мир вошел новый и ушел старый год».

НАЧАЛО НАЧАЛ

Будущего гуру Туманишвили воспитал его учитель – им был Георгий Александрович Товстоногов.

«У каждого мастера должен быть учитель. Без учителя никак нельзя. Учитель ставит тебя на ноги, дарует тебе веру во что-то определенное. Ты принимаешь ее на всю жизнь или потом как-то переделываешь по-своему. Это начало начал, профессиональное крещение, принятие театрального вероисповедания. У Леонардо был Верроккьо, у Микеланджело – Гирландайо, у Мейерхольда – Станиславский, у Ахметели – Марджанишвили, у Эфроса были Попов и Кнебель, а у меня был Товстоногов», – пишет Туманишвили.

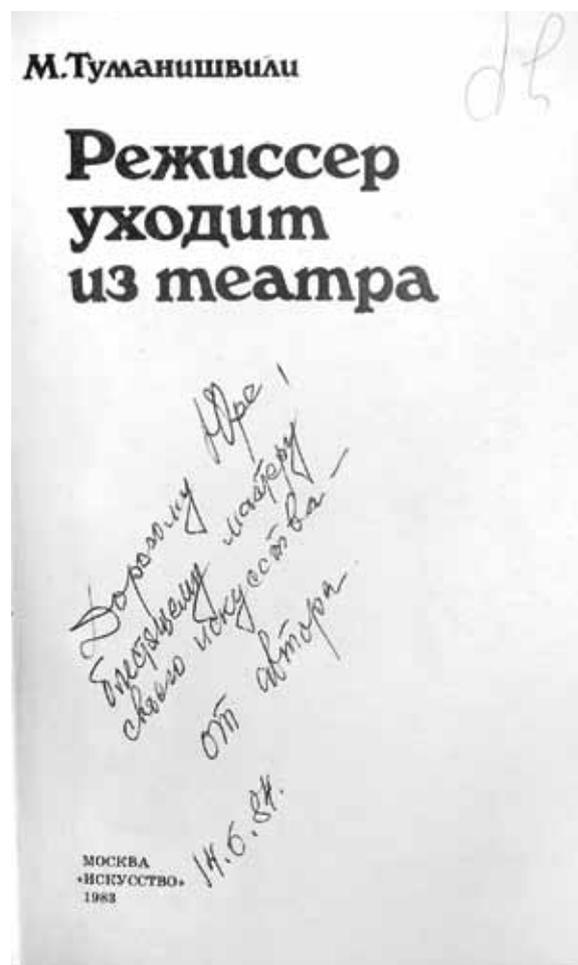
В 1944 году Георгий Товстоногов подключил первокурсни-

ка Мишу Туманишвили к своей работе над студенческим спектаклем «Мещане» М. Горького в качестве помощника режиссера – и ученик скрупулезно, тщательно записывал все репетиции. Товстоногов требовал от своих студентов не рассуждений, а упорной напряженной работы. «Он все время находился среди актеров, студентов, на сцене, в зрительном зале, в центре мизансцены. Показывал он прекрасно – точно, коротко, ясно. Помню его спорящего, доказывающего, взволнованного, сосредоточенного и до мозга костей театрального», – вспоминает Михаил Иванович.

ШВИДКАЦА

После окончания учебы молодой режиссер Михаил Туманишвили пришел в театр имени Ш. Руставели. В своих спектаклях того времени, вместе с актерами-единомышленниками, известными как «Швидкаца», он совершил в грузинском театре настоящий переворот.

«Мои первые актеры – это

Михаил Туманишвили

Котэ Махарадзе, Бадри Кобахидзе, Гоги Гегечкори, Медея Чахава. К ним уже во время репетиций присоединился Эроси Манджгаладзе, потом появились Нодар Чхеидзе, Мераб Гегечкори и Карло Саканделидзе. Из института пришли Рамаз Чиквадзе и Гурам Сагарадзе. Это была моя армия, готовая идти в бой против штампов, против... Молодые всегда против чего-то. И это естественно. Плохо, когда молодым нравится все. Мы стыдились лжи на сцене, а пути, ведущие к правде, скорее, предпочувствовали сердцем, не стараясь обосновать их теоретически», — рассказывает Михаил Туманишвили в своей книге «Режиссер уходит из театра».

В одном из телевизионных интервью режиссера Гоги Маргвелашвили — последовательного ученика Михаила Ива-

новича — спросили о том, как, на его взгляд, развивался бы грузинский театр, не будь в нем Михаила Туманишвили. Маргвелашвили ответил, что многое пришло бы гораздо позднее. «Туманишвили ускорил процессы, многое в грузинском театральном искусстве изменил концептуально, абсолютно перевернул систему обучения актерскому и режиссерскому мастерству и заложил ее научную основу. Создал методологию. Конечно, в основе была система Станиславского. Но сегодня очень мало говорят о той ключевой роли, которую сыграл Туманишвили в окончательном формировании грузинского профессионального театра. Он поднял его на другой уровень — как режиссерское, так и актерское мастерство, а также педагогику. В режиссуре Туманишвили был абсолютным волшебником — в полном смысле этого слова. Это волшебство, когда режиссер ставит спектакль и сам в нем совершенно невидим. Хотя при этом каждый шаг, каждая деталь в спектакле созданы его волей, задуманы им. Присутствие Туманишвили в каждом актере, в каждом эпизоде, в каждой интонации было тоталь-

С Георгием Товстоноговым

ным. И в то же время присутствия как бы не было — оно было совершенно незаметно. Это и есть мастерство высочайшего класса! При этом Михаил Иванович всего добивался с помощью актеров и только с помощью актеров. А все остальное, из чего состоит театр, — свет, звук и т.д. было для него вспомогательным, а главным никогда не становилось».

Первые спектакли периода театра Руставели, в которых мастер утверждал новую эстетику, новую театральную правду: «Люди, будьте бдительны!» по Ю. Фучику, «Испанский священник» Дж. Флетчера, «Чинчрака» Г. Нахуцришвили. В нашумевшей постановке «Такая любовь» П. Когоута, которую многие восприняли как театральную революцию, Туманишвили соединил глубокий психологизм, эмоциональность, графическую четкость, ритmicность сценического действия, яркость формы.

«ХОТИТЕ ПОСМОТРЕТЬ, КАК НАДО ИГРАТЬ «ДОН-ЖУАНА»? ЕЗЖАЙТЕ В ГРУЗИЮ!»

Любой человек, занимающийся творчеством, хоть од-

нажды в жизни переживает кризис..., а затем выходит на новый уровень, поднимается еще выше по лестнице признания и успеха. Именно это произошло с Михаилом Туманишвили, в результате чего в 1971 году он покидает театр Руставели. Для режиссера наступил очень трудный период – период переоценки ценностей, жесткого самоанализа, поиска новых путей. Обо всем этом он рассказал в своей книге «Режиссер уходит из театра». В итоге рождается Театр киноактера. С 1975 года Туманишвили – главный режиссер театральной мастерской при киностудии «Грузия-фильм», а с 1978-го – первый художественный руководитель вновь созданного Тбилисского театра киноактера при киностудии, членами труппы которого стали выпускники его экспериментального курса. И понеслось! «Дон-Жуан» Мольера, «Наш городок» Т. Уайлдера и Р. Габриадзе, «Свиньи Бакулы» Д. Клдиашвили, «Амфитрион-38» Ж. Жироду, «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира...

Вспоминает актриса **Русудан Болквадзе**:

«В 80-е годы наш театр отправился на гастроли в Ленинград. Михаил Туманишвили очень волновался, поскольку ему предстояло показывать спектакли и свою молодую труппу Георгию Товстоногову, который был его педагогом. Забегая вперед, скажу, что после этих гастролей очарованный «Дон-Жуаном» Георгий Товстоногов рекомендовал спектакль на фестиваль в Мадриде, и именно с Испании началось наше путешествие за границей... Позднее «Дон-Жуана» посмотрел и Питер Брук, его фраза: «Хотите посмотреть, как надо играть «Дон-Жуана»? Поезжайте в Грузию, почему бы и нет? Вот это театр!» стала для нас золотым ключиком, открывшим двери всех фестивалей».

МНЕНИЕ КРИТИКИ

А вот что написала о спектаклях Туманишвили театровед **Наталья Крымова**:

«Когда-то в Москву привозили «Дон-Жуана». Это был очень веселый спектакль, где серьезный смысл таился в массе розы-

грышей. Природа грузина сама по себе театральна, в Грузии люди строят всю жизнь на ритуалах, на песнопениях и заведенных порядках. Дон-Жуан (его играл Зураб Кипшидзе) нарушал все порядки, но делал это с такой изворотливостью и изяществом, что его аморальная напускательность могла найти лишь божескую кару. А Сганарель и все женщины отступали перед его натиском. Режиссер ввел в спектакль персонаж, которого нет у автора, – чудаковатая суфлерша постоянно вылезала из своей будки и, в сотый раз переживая происходящее, авторским текстом вводила актерские вольности в надлежащее русло. Союз этой современной фигуры с персонажами Мольера придавал спектаклю особое обаяние. Мольеровские типы воссоздавались живо и темпераментно, но такой же была и суфлерша с очками на кончике носа и бутылкой кефира в авоське! Она была из сегодняшней жизни, герои спектакля из мольеровской фантазии, а знаки вечности в сценографии (мраморные бюсты великих мыслителей и поэтов) – из жизни всеобщей, соединяющей культуру эпох в общий поток. В этот поток не торжественно вступали, а вбегали, впрыгивали молодые актеры, готовые драться, переодеваться, петь. Их невозможно было утомить и успокоить. Когда сегодня мы видим в кадрах кинохроники, как репетирует Туманишвили,

понятно делается, откуда бралась энергия спектакля и каков был истинный темперамент этого внешне меланхоличного человека с четками в руках.

Михаил Туманишвили тонко ощущал эту грань серьезного, смешного и печального. Собственно, он всегда был серьезен, даже грустен, потому что знал о жизни много невеселого. Например, хорошо знал, как быстро эта жизнь проходит, что забвению подлежит все, что сегодня кажется единственно важным. Об этом был поставлен «Наш городок» Торнтон Уайлдера. Действие пьесы было перенесено в Грузию – маленький макет старинного храма стоял на авансцене, намекая, что на жизнь, которая шумит и движется, можно посмотреть с высоты вечности, и тогда что-то в ней примет другой облик, а концы и начала как бы исчезнут. В спектакле девочка и мальчик жили, играли, бежали в школу, а потом выросли и полюбили друг друга. Но вдруг она умерла. И выяснилось, что в городке есть такое место – кладбище. Странное место, где тишина и чуть слышно, очень спокойно переговариваются между собой умершие. Когда в «Нашем городке» хоронили героиню, шел дождь, и так грустно было смотреть на сиротливую кучку людей под зонтиками, среди могил... А потом эта девушка появилась вновь среди тех, кого любила. И они ее не заметили – завтракали, пили кофе, жили

С Кети Долидзе

М. Туманишвили, Р. Стура, Т. Чхеидзе

как прежде. Мгновение, когда осознаешь, что без тебя все будет точно так же, — страшно. Что это — трагедия? Да, конечно, но извлеченная не из кладовой театральных жанров, а из самой обыкновенной жизни, которая в существе своем одинакова в Грузии, в Америке, в России. Глядя на то, как был сыгран момент осознания этого в спектакле, можно было ужаснуться. Но можно было взять такой существенный момент в собственный опыт и растворить его там. В подобном знании и растворении — мудрость. Михаил Туманишвили был мудрым художником».

ВОСПИТЫВАТЬ САМОГО СЕБЯ

«В педагогике есть возможность, воспитывая молодых, воспитывать самого себя, чтобы не отставать. Творить, увлекаться и увлекать своей работой и выдумками других. Вести за собой, постоянно быть возле молодых и иногда, когда они уже окрепнут, пропускать их немного вперед. Наконец, отпустить совсем. Лишь издали наблюдать за ними, но так, чтобы в любой момент прийти на помощь. Работать с молодыми вовсе не значит только передавать им свои знания и опыт. Нет, это гораздо более сложный процесс взаимного воспитания. Каждый раз с приходом в театр нового поколения молодых людей я

очень остро ощущаю время — то новое, что оно действительно несет с собой. Иногда это совсем не похоже на то, что мы хотели бы видеть, как приметы времени. Оттого так и присматриваешься к желающим «стать режиссером» («Режиссер уходит из театра»).

ЗНАТЬ, «ОТКУДА ИДЕШЬ»

Режиссер, педагог Темур Чхеидзе:

«Все, что я знаю в профессии, берет начало от Михаила Ивановича. Недаром студенты Туманишвили считают себя внуками Товстоногова, который русский психологический театр трансформировал через грузинскую театральную традицию. Михаил Иванович учил вскрывать истинную причину происходящего, точно определять психологическое состояние. Находить внутреннюю линию поведения персонажа, которая скрыта от нас — то, что раньше называли «внутренним монологом». Это не так старомодно, как кажется. Мы часто останавливаемся на уровне слов, но ведь они диктуются изнутри. Михаил Иванович никогда нам не говорил, как надо ставить. Он учил нас анализу, тому, что у каждого произведения есть своя внутренняя логика, и вот обнаружить, нащупать пульс этой логики — это, наверное, самое важное, прежде чем вообще начинать ставить пьесу.

Что такое «учитывать автора»? Это... чтобы, не дай бог, не сбиться на... повторение прошлого, прошлых постановок. ... Да, вот что я еще говорю моим ученикам: для актера важно не «выходить на сцену», а знать — «откуда идешь» (В. Церетели, М. Борода. «Это каждый раз загадка». Сайт Международной гильдии писателей).

Режиссер, педагог **Теймураз Абашидзе:**

«Михаил Туманишвили в тот период, когда его назначили нашим педагогом и руководителем группы, был высоким, худым мужчиной с черными-черными усами и такими же черными, живыми глазами. Со временем он слегка отяжелел, но тем не менее всегда оставался очень подвижным и легким. Михаил Иванович по своей природе, характеру не был сторонником того монументального, героико-романтического стиля, который тогда повсеместно господствовал и являлся фундаментальной концепцией формирования репертуара театра Руставели; постановки Туманишвили стали переходным мостом, соединившим исчерпавшую себя стилистику с той актуальной, более разнообразной и гибкой моделью, которая, наконец, заменила господствовавшее однообразие и утвердила то открытое, свободное, раскрепощенное взаимодействие с автором, с пьесой, с театром, с режиссером, со зрителем, существующее по сей день. За что сегодняшний грузинский театр должен сказать ему искреннее «СПАСИБО». Ему удалось убедить, что язык спектакля должен стать многоплановым, разнообразным, что обновления требует язык художника, композитора, а также «драматургический язык»; особенно масштабно ему удалось продемонстрировать это в спектакле «Именем «Молодой гвардии» (пьеса Мераба Гегия), поставленном в театральном институте. После этой постановки его экспериментаторство стало еще более целенаправленным, дерзким, а после перехода в Театр киноактера, который теперь носит его имя и который был открыт специально для него его другом и однокурсником, замечатель-

ным человеком и министром кинематографии Грузии – Акакием Двалишвили, полностью переключился на экспериментальную работу. Он создал театр, которого действительно недоставало в панораме театров Тбилиси, и воспитал целую плеяду действующих мастеров сегодняшнего грузинского театрального искусства».

Актер Зураб Кипшидзе:

«Я избалован тем, что моим учителем был Михаил Иванович Туманишвили – настоящий феномен, ученик Георгия Товстоногова, серьезный режиссер и большой педагог. Мы, его воспитанники, думали, что сами что-то творим на сцене, а это мастер направлял нас так, чтобы возникло это ощущение самодостаточности. И часто рождалось что-то по-настоящему интересное».

Режиссер, педагог Авто Варсимашвили:

«Я сразу понял, что передо мной большой мыслитель. Философ. То, что он великий педагог, я осознал позже. Со временем мы сблизились. Два раза в неделю я приходил на студию, где он уже собирался открывать свой театр, панибратски здоровался с Кети Долидзе, Мурманом Джинория и другими знаменитостями той поры. К маю месяцу я уже иногда позволял себе спорить с Михаилом Ивановичем, в чем-то не соглашаться... В том году Туманишвили должен был набирать режиссерский курс и, как я понимал, подготавливал меня для себя. Я даже шутил, что он меня не к экзаменам готовит, а уже режиссуре обучает, потому что его задания были архисложные. В июле-августе в институте случилось ЧП. Студенты-режиссеры, окончившие первый курс, подняли бунт и потребовали сменить педагога. Они хотели, чтобы их взял Туманишвили. И он, вместо того, чтобы набрать первый курс, взял второй. А нас, первокурсников, отдали Лили Иоселиани и Гиге Лордкипанидзе. Но Туманишвили успел научить работать с книгами. Ответственно относиться к делу. Вообще я считаю его самым великим педагогом всех времен и народов. Книга Туманишвили «Введение в режиссуру»

(«Пока не началась репетиция») – лучшая для режиссеров. Если бы она была написана англичанином, это был бы классический учебник для режиссеров всего мира» (Н. Зардалишвили-Шадури. Впередсмотрящий. «Русский клуб»).

Актриса Нелли Килосанидзе:

«Продолжая учиться, я начала, с разрешения руководства вуза, репетировать в спектакле Михаила Туманишвили. Это был очень необычный режиссер. Он проводил с нами этюды. Однажды велел мне спуститься на первый этаж, а потом подняться. Как выяснилось, вслед за мной он послал моего партнера, который по пьесе был в меня влюблен. Я спускалась, а он меня догонял, старался остановить, чтобы завязать какие-то отношения. А я-то не была предупреждена – я его на полном серьезе отшвыривала, говорила: «Ну что с вами? Я замужем. Отстаньте от меня!» А это было специально задумано, чтобы ввести меня в требуемое состояние... В театре работала аккомпаниатор Анечка, хорошая пианистка, супруга актера Анатолия Левина, и она все время играла на репетициях – Туманишвили постоянно просил музыку. И вдруг, услышав какую-то мелодию, сказал мне: «Нелли, вы же учились хореографии? Протанцуйте свидание «Ромео и Джульетты», как вы это видите!» Некоторые мои движения и позы он потом ввел в мизансцены. Когда он разводил спектакль в репетиционном зале, находившемся на последнем этаже старого здания театра, к нам приходила вся труппа, сидела, смотрела, как Миша работает. И он разрешал присутствовать. Это было действительно очень интересно! Но я зажималась, чувствовала себя очень неловко и трудно. А позднее, когда он стал хвалить меня и сцены начали постепенно вырисовываться, я уже ощущала себя как рыба в воде. Туманишвили никогда не показывал. Он приходил на репетиции с кадрами – рисунками. Михаил Иванович рисовал все мизансцены. К примеру, изображал меня в движении. Это было очень наглядно. Режиссер увлекался

разными деревянными поделками и подарил мне статуэтку из коряги, в которой угадывалось человеческое тело. Дело в том, что у меня в спектакле основная лирическая сцена была такая: мы с моим партнером бегали друг за другом, вернее, он хотел меня поймать, а я убежала. Он меня обегал с другой стороны, хватал, а я в испуге поднимала руки вверх. Позднее Туманишвили увидел эту позу и это состояние в какой-то коряге, приклеил голову, обработал... и написал мне на платформе статуэтки очень теплые слова: «Я всегда буду внимательно следить за вашим творчеством! Счастливого пути!». Туманиш-

М. Туманишвили, С. Такашвили, Н. Крымова

вили действительно приходил на мои спектакли. У меня сохранилось несколько программ, им подписанных. На одной – это была программа спектакля «Дуэль» М. Байджиева – Михаил Иванович написал: «Теперь вы стали настоящей артисткой. Молодец!». Мне это до сих пор приятно».

Хочется резюмировать материал словами режиссера **Роберта Стуруа**: «Михаил Туманишвили создал школу и вырастил таких актеров и режиссеров, которым не стыдно быть в искусстве. Он передал нам, ученикам, знание профессии. Как создатель «Деда эна» Якоб Гогешашвили – знание родного языка».

Изображение полета Крякутного в Доме-музее авиации и космонавтики

РОССИЙСКИЙ «МЮНХГАУЗЕН» С ГРУЗИНСКИМИ КОРНЯМИ

■ Владимир ГОЛОВИН

Уже более ста лет россияне гордятся соплеменником, сделавшим их страну родиной воздухоплавания. А именно – рязанским подьячим Крякутным, совершившим первый в мировой истории полет на воздушном шаре. Впервые о нем сообщил публике журналист и писатель, популяризатор и историк науки Александр Родных. В 1901 году он опубликовал в газете «Россия» отрывок из рукописи «О воздушном летании на Руси с 906 лета по Р.Х.», обнаруженной им при изучении собрания книг известного библиофила и библиографа Якова Березина-Ширяева. Отрывок гласит: «1731 год. В Рязани при воеводе подьячий нерехтец Крякутной фурвин сделал как мяч большой, надул дымом поганым и вонючим, от него сделал петлю, сел в нее, и нечистая сила подняла его выше березы,

и после ударила его о колокольню, но он уцепился за веревку, чем звонят, и остался тако жив, его выгнали из города, он ушел в Москву, и хотели закопать живого в землю, или сжечь. Из записок Боголепова» (Степан Боголепов – служащий рязанской канцелярии, одно время исполнявший должность полицмейстера Рязани во второй половине XVIII века, а слово «фурвин» переводили как «большой мешок» – В.Г.).

Через год Родных заявляет в печати: «Рукопись эта весьма важна для Нашей Матушки России, так как указывает, что первенство в деле изобретения воздушных шаров принадлежит России еще за 60 лет до появления во Франции монгольфьеров и шарльеров». Что ж, спорить трудно, сенсация налицо! И в 1910-м Родных, опубликовав рукопись полностью, занимает

ся, говоря по-современному, ее промоушеном: фотокопии двух ее листов размещает в экспозиции мюнхенского Немецкого музея достижений естественных наук и техники, а в России продает их за 1 рубль 20 копеек. Сообщения о Крякутном он постоянно включает в свои книги и в статьи в журналах «Воздухоплавание», «Библиотека воздухоплавания», «Нива», «Природа и люди». История отважного священнослужителя попадает и в статью «Аэронавты», написанную инженером Сергеем Бекневым в 4-м томе незавершенного «Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (1911-1916 годы).

Не забыт рязанский подьячий и в советское время. В 1927 году он фигурирует в статье юрисконсульта Наркомторга СССР, специалиста по международному праву Владимира Грабаря «История воздушного права» в сборнике, выпущенном Авиационным обществом содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Через три года выходит 5-й том «Малой советской энциклопедии», где история Крякутного включена в статью «Монгольфьер». В 1935-м детский писатель Александр Ивич приводит ее в своей книге «Приключения изобретений», в 1938-м историк естествознания

Единственное сохранившееся изображение Сулакадзева

и техники Виктор Виргинский – в книге «Рождение воздухоплавания». А в 1940-м автор «Волшебника Изумрудного города» Александр Волков эпиграфом романа «Чудесный шар» об изобретении воздухоплавания в России XVIII века берет цитату о Крякутном.

Парадным шагом рязанский летун зашагал по Стране Советов в конце 1940-х – начале 1950-х годов, когда в СССР разворачивается беспощадная борьба с «безродным космополитизмом», «низкопоклонством перед иностранщиной» и «по «развенчанию научных лжезвезд замшелога Запада». Одновременно с этой массовой истерией власти ищут отечественных ученых-самородков и российские приоритеты в науке и технике. И пример Крякутного приходится как нельзя более кстати. В книге историка техники, академика Академии наук Украинской ССР Виктора Данилевского «Русская техника», вышедшей в 1947-1948 годах двумя изданиями и получившей Сталинскую премию, утверждается, что сообщение о подъеме Крякутного заслуживает доверия. «За 52 года до братьев Монгольфье, долгое время считавшихся изобретателями воздушного шара, русский

человек Крякутний построил воздушный шар и испытал его», – подчеркивает писатель Семен Вишенков в книге «Александр Можайский».

Об отважном подьячем в 1949-м пишет газета «Известия». Статья о Крякутном вносится во второе издание Большой советской энциклопедии, в школьные учебники, в фундаментальный сборник документов «Воздухоплавание и авиация в России до 1917 года». Научный сотрудник Комиссии по истории техники при Отделе технической информации Академии наук СССР Борис Воробьев утверждает в 1952-м: «Необходимо разыскать... документ из истории русского воздухоплавания, хранившийся до 1935-1936 гг. в одной из церквей города Пронска (Рязанской области). В этой церкви хранилась особенная книга, относящаяся к XVIII в. По ней в известные дни провозглашалась «анафема» (проклятие) согрешившим чем-либо против религии. В данной книге в числе подлежащих анафеме значился и подьячий Крякутний, совершивший «греховную» попытку летать». В 1956 году, к 225-летию полета, выпускается почтовая марка, в городском парке Нерехты посвящают Крякутному памятную стелу, у которой принимают в пионеры, и одну из улиц города называют его именем...

Тут мы приостановим перечисление. Читатель несомненно утомился от мелькания фактов и дат. Но главное не в этом, а в том, что никогда не было... основного факта. Никакого Крякутного не существовало, как и, соответственно, его героического полета. Вся эта история – выдумка потомка грузинских дворян Александра Сулакадзе. Огромная страна десятки лет поклонялась мистификации. Кем же был человек, заставивший ее делать это?

Внук имеретинского дворянина Григория Сулакадзе именовал себя князем, но документы это не подтверждают. Дед Александра приехал в Россию в 1724 году вместе с царем Вахтангом VI и затем служил при дворе имеретинской царевны Дарьи Арчиловны в селе Всехвятском под Москвой. Его сын

Иван получил образование в гимназии при Московском университете, фамилию их писали по-разному: Салакадзевы, Салакатцевы, Суликадзевы, Сулакадзевы. Иван служил рязанским губернским архитектором, вышел в отставку в чине титулярного советника, женат был на Екатерине Боголеповой, дочери исполняющего обязанности рязанского полицмейстера. От этого брака в 1771 году в селе Пехлеце Ряжской округи Рязанской губернии и родился Александр Сулакадзе, которого одни считают фальсификатором истории, а другие – блестящим мистификатором.

Из лейб-гвардии Преображенского полка он вышел в отставку прапорщиком, служил в Провиантском штате, в Комиссии по построению Казанского собора, неофициально выполнял секретарские обязанности у министра внутренних дел князя Алексея Куракина, был канцелярским служащим в Комиссии погашения долгов. Жил в собственном доме в Семеновском полку в Петербурге, как и отец, выше титулярного советника не поднялся. И всю жизнь выполнял доставшуюся от отца обширную библиотеку новыми книгами – и печатными, и рукописными. Интересные события, свидетелем которых был, и любопытные факты из своей жизни записывал в дневнике. Был известен как собиратель даже двум императорам – Павлу I и Александру I.

Говоря словами лермонтовского героя, он «знал одной лишь думы власть, одну – но пламенную страсть»: все, связанное с древней историей, в первую очередь, артефакты

Стела в Нерехте

старины. Он следил за всеми публикациями по археологии, знал все труды историков Николая Карамзина, Михаила Щербатова, Василия Татищева, митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова). Он изучил не только рукописные источники 1229-1696 годов в созданном Государственным канцлером России Николаем Румянцевым «Собрании государственных грамот и договоров, хранящихся в Коллегии иностранных дел», но и романы создателя русского исторического романа Фаддея Булгарина, рассчитанные на массового читателя.

Свидетельство тому – и «Мои мысли об истории России и о прочем» в дневниковых записях 1825 года, и собственные попытки заниматься историческими исследованиями. С фанатизмом исследователя он собрал огромную коллекцию старинных книг, рукописей, артефактов. Плюс современные... слухи. В его записной книжке со слухами, ходившими по Петербургу в 1824-1825 годах, есть и тот, что послужил Николаю Гоголю сюжетом для «Шинели».

Это хобби Александра Ивановича оставило заметный след в русской историографии, но след специфический. Часть древностей в своей коллекции он... подделывал. Считая настоящую русскую историю очень скучной и поэтому приукрашивая ее. То есть занялся

мистификацией, изобретая некую азбуку «новгородских рун», делая исправления и приписки в реальных документах, изготавливая пергаментные списки, очень похожие на настоящие и «состаренные» под солнечными лучами. Но что очень важно, делал он это не для того, чтобы выгодно продать свои «открытия», а для удовлетворения собственного честолюбия, из желания иметь у себя в коллекции уникальные свидетельства старины.

Интерес к истории воздухоплавания занимал значительное место среди его увлечений. Сулакадзев систематизировал сведения о воздушных полетах в разные времена, в различных странах и создал рукопись «О воздушном летании в России с 906 лета по Р. Х.». В ней, наравне с «летунами» из фольклорных записей, и появляется рязанец Крякутной. Сведения об этом документе просочились за пределы дома коллекционера. Многие исследователи мечтали увидеть его, издатели сулили любые деньги за его публикацию. Сам Карамзин во время работы над «Историей государства Российского» хотел скорее прочесть таинственный пергамент. Но коллекционер не торопился знакомить кого-либо со своей находкой.

Ну а после смерти Сулакадзев в 1832 году его жена распродает коллекцию мужа, запросив 25.000 рублей. Продать

ее полностью не удается, она разошлась по частям, «распылилась», и многие считают это «невосполнимой утратой для русской науки». Хотя всем известно, что в коллекции были и мистификации. Так на рукописном сербском Церковном уставе XIV века Сулакадзев изобразил автограф Анны Ярославны, дочери киевского князя Ярослава Мудрого, вышедшей замуж за французского короля Генриха I. И на то, что она жила в XI веке, на три столетия раньше рукописи, обратили внимание лишь после того, как документ несколько лет пролежал в Императорской публичной библиотеке. А полностью сфальсифицированная история Валаамского монастыря в X веке под названием «Оповедь» считалась подлинной вплоть до начала XX века.

Намного дольше числился в подлинниках отрывок о Крякутном. В рукописи «О воздушном летании в России с 906 лета по Р. Х.». он попал к библиографу Березину-Ширяеву, где и был обнаружен Александром Родных, «запустившим» его на орбиту официальной историографии, в том числе и советской. Мы уже видели, как подьячего славили до середины 1950-х годов. Но в течение следующего десятилетия специалисты рукописного отдела Библиотеки Ака-

«Арт-объект» в Рязани

Памятник Никитке Крякутному в Кунгуре

демии наук СССР обнаружили в рукописи подчистки, исправления и официально доказали, что никакого Крякутного не существовало.

Казалось бы, «финита ля комедиа». Ан нет! Уж очень трудно отказаться от мысли, что ты – первопроходец. В сборнике «Воздухоплавание и авиация в России до 1917 г.» появляется расплывчатое примечание о том, что в «записи за 1731 г., рассказывающей о подъеме рязанского воздухоплавателя, имеются некоторые исправления, затрудняющие прочтение части текста, относящейся к лицу, совершившему подъем». В 1981 и 1984 годах в журнале «Вопросы литературы» публикуются статьи о подделке. Но кто их читает, кроме специалистов? Так что Крякутной продолжил свое жить-быть в российской истории. И дело не только в том, что отражение его полета можно увидеть в фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублев» (1966 год) и прочесть в романе Валентина Пикуля «Слово и дело» (1975). Триумфальное шествие летуна ширится:

В 1971-м статья о Крякутном печатается в третьем издании Большой советской энциклопедии. Со следующего года начинаются переиздания «Чудесного шара» Волкова с цитатой о Крякутном. В музеях Рязанского Кремля несколько десятилетий действует экспозиция: Крякутной на воздушном шаре. В 2007 году губернатор Рязанской области Георгий Шпак называет рязанцев «мировыми первопроходцами в воздухоплавании». В 2009-м у подъячего появляется клон, причем уже с именем (!) за 1.800 километров от Рязани,

в город Кургуте Пермской области. Там ставят похожий на Икара памятник «холопу Никитке Крякутному, который в 1656 году изготовил деревянные крылья и прыгнул с ними с 50-метровой колокольни, за что и был казнен».

А вот недавние примеры. В 2017-м в Нерехтском краеведческом музее проходит конкурс на лучшую модель воздушного шара, посвященный Крякутному, у которого тоже откуда-то появляется имя – Ефим. В 2018-м в городском парке Рязани создают «арт-объект» – воздушный шар, опоясанный надписью о полете Крякутного. В том же году в Интернете – отзывы о стенде, посвященном Крякутному в Центральном Доме-музее авиации и космонавтики в Москве. В 2020-м в Костромской

них – средневековый пергамент с Церковным Уставом, редкие издания Библии, Молитвенников и «Жития святых», рукописи исторического содержания XVI-XVII веков, переводы «Истории России при Петре I» Вольтера, и труды Ломоносова, сборник материалов XVIII века о Пугачеве, масонские, кабалистические сочинения и рукописные книги по навигации, сельскому хозяйству, геодезии, фортификации...

Ну а в его знаменитых обменах, как говорят сегодня, «ничего личного». Он мистифицировал не ради наживы, воплощая в документах свои фантазии на темы русской истории, он чувствовал себя обладателем уникальных сведений. Иногда художественный вымысел бывает предпочтительней реальности. Сулхан-Саба Орбелиани свою

области уже в пятый раз проходит фестиваль воздухоплавания, так и названный: «Крякутной». И, похоже, не будет конца-краю этим проявлениям гордости за не существовавшего подъячего.

А от коллекции Сулакадзева сохранилось не больше ста книг из четырех тысяч. По ним можно судить о диапазоне и значимости его собрания раритетов. Это – отнюдь не мистификации. Наиболее ценное из сохранившегося – богослужебные книги и агиография. Среди

книгу, рожденную наблюдениями над жизнью, над природой человека, назвал именно «Мудрость вымысла». И еще. Присмотримся, с кем схож мистификатор Сулакадзев? Конечно же, с Карлом Фридрихом Иеронимом фон Мюнхгаузенем. В пьесе и в фильме по сценариям Григория Горина незабвенный барон отвечает скептикам: «Да поймите же, барон Мюнхгаузен славен не тем, что летал или не летал на Луну, а тем, что не врет».

ЦВЕТЫ ВЕЛИКОМУ ПОЭТУ

Как и каждое 10 февраля, в день смерти Александра Сергеевича Пушкина, в Тбилиси почтили память великого поэта. Он встретил в столице Грузии свое 30-летие. В мае 1829 года въехал в Тифлис, 10 июня отправился в действующую армию под Эрзерум. Через два месяца, на обратном пути из Эрзерума, поэт вновь задержался в городе с 1 августа по 6 августа. И в этом году в день смерти Александра Сергеевича в Пушкинский сквер пришли члены Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», сотрудники Театра имени А.С. Грибоедова, тбилисцы-почитатели творчества поэта, а также общественные деятели и представители организаций российских соотечественников в Грузии. Они возложили венки и цветы к памятнику Пушкину, стихи которого прозвучали на русском языке и в переводе на грузинский.

Теймураз Циклаури

ОН ПОДАРИЛ НАМ СВОЙ ГОЛОС

Дорогие друзья!

Примите глубокие искренние соболезнования от меня лично и от всего коллектива Ухтинского государственного технического университета в связи с кончиной прекрасного сына Грузии Теймураза Циклаури.

В нашем северном городе его узнали и полюбили очень давно, он пришел к нам, как и ко всей большой стране, с песнями и фильмами. Он подарил нам образ мудрого, любящего отца, образ сильной и благородной птицы. Он подарил нам свой голос – теплый, сильный, исполненный любви ко всему самому лучшему, самому святому на этой земле.

Теймураз дважды бывал в нашем небольшом северном городе. Ухтинцы с благодарностью будут помнить его песни, которые он исполнял с главной сцены города. Мы слушали его, смотрели, и он был для нас, как вестник солнечного юга, как солнце на северном небосклоне. Лучезарная улыбка на

мужественном лице-таким мы будем помнить его всегда и молиться Богу о Царствии небесном для человека, который всю свою большую жизнь старался исполнять заповеди любви и милосердия.

*От имени коллектива Ухтинского государственного технического университета
президент УГТУ,
профессор Н.Д. Цхадая*

Грузинская диаспора в Республике Коми «Сакартвело».

Выражаем глубокую скорбь в связи с кончиной народного артиста Грузии, солиста ВИА «Иверия», нашего большого друга, брата и просто хорошего человека Теймураза Циклаури.

Теймураз был настоящим патриотом Грузии, любящий не только свою страну и свой народ, но и всех людей на земле.

Он, как человек доброй души, творческий, талантливый, снискал любовь, уважение

и среди жителей Республики Коми, с которыми ему приходилось общаться.

Грузинская диаспора в Республике Коми выражает глубокое соболезнование его семье, родным и близким.

Теймураз навсегда останется в наших сердцах, как достойный представитель своего народа.

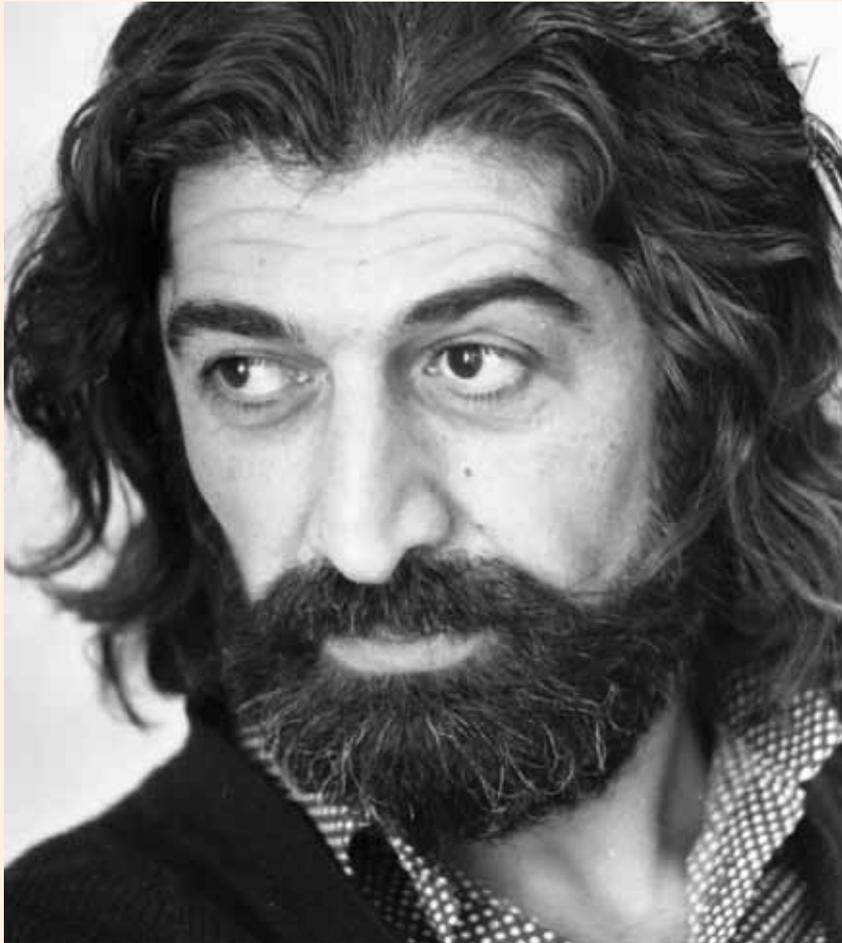
Президент Грузинской диаспоры в Республике Коми «Сакартвело»

Самунашвили Николай Васильевич

К 19:00 приземлился самолет в аэропорту города Ухты, Республики Коми в 17-градусный мороз, с холодным северным ветром.

Мы, вся грузинская диаспора, ждали приезда любимого всеми нами нашего артиста, певца, человека-легенду Теймураза Циклаури. Человек, которому стоя рукоплескал весь мир.

Он вышел из самолета легко, по-осеннему одетый, посмотрел вокруг своим привычным орлиным взглядом. Я, конечно же, его сразу узнал. Он подошел к нам и поздоровался своим неповторимым голосом: «Здрав-

стуйте, братья» и обнял каждого «по-нашему, по-грузински».

Невероятные чувства испытывал тогда я, соприкасаясь с живой легендой. Я и раньше встречал грузинских исполнителей, но такое чувство я испытывал впервые. Как выяснилось, у него были подарки с собой для нас, которые он, конечно же, всем раздал. Потом он почему-то выбрал мою машину. Я с радостью открыл ему дверь, и мы поехали в город. Отсюда и началась наша с ним дружба. По дороге мы общались. Он говорил, что ему нравится название ансамбль «Иверия» и мне было приятно слышать это, поскольку меня зовут Ивери. Я чувствовал, что он смотрел на меня, как на сына все 4 дня своего пребывания в республике. Концерт произвел на меня ошеломляющее впечатление. Я не предполагал, что столько людей еще помнят ансамбля «Иверия» и его солиста. Люди стояли на стульях и аплодировали таким образом, просили спеть на бис.

Перед отъездом он мне обещал обязательно спеть на моей

свадьбе, посмотрев на меня отцовским взглядом. Когда мы его провожали, в аэропорту собралось много поклонников таланта Теймураза. Они его попросили спеть. И он исполнил несколько песен. Все аплодировали ему и не хотели отпускать... Даже самолет на полчаса задержался. Затем он поблагодарил всех присутствующих за такую любовь, внимание и прошел в регистрационный зал.

Проведенные с ним 4 дня я не забуду никогда, как и то, что он мне рассказывал о своей жизни. Никогда не забуду, как мы с ним пели известную грузинскую песню «Прощай, Зестафони».

Вечная ему память. Он навсегда останется в моей памяти и в моем сердце, как эталон настоящего грузина.

Ивери Боджоришвили (Ухта)

Я уверен, твоя душа находится в абсолютной гармонии с высшим Разумом и тебе определили достойное место рядом

с абсолютной Истиной. Мы, твои друзья, будем скучать по тебе и не пройдет много времени, надеемся заслужить, что Бог даст нам разрешение на встречу с тобой.

Мы, младшее поколение, с большой гордостью и огромным уважением будем вспоминать тебя, будем брать пример, как надо любить свою родину, как можно стать патриотом своей страны, как любить и быть любимым! В каждой твоей песне,

в каждом слове выражалось, полное воссоединение с Богом и огромная сила любви!

Ты пришел на землю ни с чем, но ушел с большим талантом и опытом любви к Господу, ты был гениальным человеком и твоя гениальность выражалась в отдаче себя, полного любви к людям.

Я никогда не забуду наши встречи, разговоры о людях, о том, как им тяжело живется, о нашей стране, о наших общих друзьях, которые тебя любят бесконечно.

Но самое главное, я никогда не забуду твое отношение ко мне. Это было отношение старшего, мудрого гуру к своему ученику.

Я соболезную Грузии, всей твоей родне и всем добрым людям, которым тебя будет очень не хватать...

Покойся с миром, мой дорогой друг!

*С любовью и уважением,
Твой младший друг*

*Парвиз Гочелашвили
(Воркута)*

SINCE 1884

SARAJISHVILI

სარაჯიშვილი

Город замер в ожидании туристов.

Фото Александра Сватикова